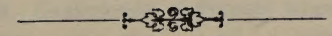
СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXII, № 3.

ОТЧЕТЪ
о
ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКИХЪ ПРЕМІЙ
въ 1905 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, іюль 1906.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1905 года

Ординарнымъ академикомъ **Н. П. Кондаковымъ**.

Присужденіе премій имени М. В. Ломоносова было предоставлено въ настоящемъ году Отдѣленію русскаго языка и словесности.

На соисканіе означенныхъ премій поступило всего *восемь* сочиненій,—изъ коихъ *четыре* были сняты съ конкурса по просьбѣ авторовъ,—остальныя же *четыре* подлежали разсмотрѣнію особо образованной при Отдѣленіи русск. яз. и слов. Комиссіи, въ составъ которой вошли ординарные академики: А. Н. Веселовскій, Ф. Ѳ. Фортунатовъ, А. А. Шахматовъ, В. И. Ламанскій, Н. П. Кондаковъ и А. И. Соболевскій.

Комиссія разсмотрѣла поступившія къ сроку сочиненія и рецензіи на нихъ, составленныя по ея вызову приглашенными для этого посторонними учеными.

Вотъ въ извлеченіи упомянутыя рецензіи.

I.

Проф. **С. К. Булича:** «*Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I. (XIII в.—1825 г.).* Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія, «Введенія въ изученіе языка» Б. Дельбрюка (С.-Пб. 1904 г.)».

Критическую оцѣнку настоящаго труда, по просьбѣ Отдѣленія, любезно принялъ на себя членъ-корреспондентъ послѣдняго *А. С. Будиловичъ.*

Изъ предисловія этой книги мы узнаемъ, что по первоначальному плану, возникшему еще въ 1897 г. въ средѣ университетскихъ слушателей г. Булича, книга должна была состоять изъ сдѣланнаго студентами перевода извѣстнаго сочиненія Б. Дельбрюка: «Einleitung in das Sprachstudium» (по 3-му изд. 1893 г.), подъ общей редакціей С. К. Булича, который намѣренъ былъ приложить къ переводу, въ видѣ небольшого дополненія, свой «Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи». Книга не должна была превышать 15 печ. листовъ. Но переводъ названнаго сочиненія затянулся и могъ быть законченъ лишь въ 1900 г., почему, при печатаніи его въ 1901 г., редактору пришлось снабдить оный нѣкоторыми примѣчаніями и даже вставками въ текстѣ, для освѣженія библіографіи. Что касается задуманнаго редакторомъ «Очерка по исторіи русскаго языкознанія», то хотя первоначальный его набросокъ былъ напечатанъ еще въ 1899 г. въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, однако, при переработкѣ для новаго изданія, очеркъ этотъ все болѣе расширялся и достигъ, наконецъ, 68 печ. листовъ, притомъ не въ законченномъ видѣ, а лишь въ половинномъ составѣ, доведенномъ до 1825 г. Понятно, что при такомъ расширеніи объема, «Очеркъ» г. Булича не могъ уже считаться дополненіемъ къ «Введенію» Дельбрюка, а наоборотъ, получилъ значеніе самостоятельнаго сочиненія, къ которому Дельбрюково «Einleitung» приложено вмѣсто вступленія. Печатаніе книги длилось не менѣе трехъ лѣтъ (1901—1904 гг.), почему нѣкоторыя главы очерка, по сознанію самого автора,

(стр. X) требуютъ уже дополненій, каковыя онъ и предполагаетъ сдѣлать въ концѣ II т., гдѣ будетъ приложенъ и общій указатель сочиненія.

Хотя указанныя обстоятельства, особенно же незаконченность труда г. Булича, нѣсколько затрудняютъ общую его оцѣнку, тѣмъ не менѣе, научный характеръ этого труда достаточно выяснился и въ I его томѣ; значительность же собранныхъ и обработанныхъ въ немъ матеріаловъ позволяетъ разсматривать книгу какъ самостоятельный вкладъ въ славяно-русскую филологію.

Научный арсеналъ автора, которымъ онъ располагалъ при составленіи Очерка, представляется весьма обширнымъ: имъ приняты во вниманіе не только всѣ сводные труды по исторіи нашего просвѣщенія, но и громадное количество монографій, даже мелкихъ журнальныхъ статей, причемъ авторъ по возможности пользуется первоизданіями и во многихъ случаяхъ дополняетъ ихъ рукописными матеріалами изъ древлехранилищъ Петербурга, Москвы и Казани.

Что касается критеріевъ, которыми руководился авторъ при оцѣнкѣ старыхъ трудовъ по языковѣдѣнію, то такіе критеріи взяты имъ, главнымъ образомъ, изъ современнаго состоянія соотвѣтственныхъ отдѣловъ науки, причемъ авторъ обнаруживаетъ широкую эрудицію, особенно по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ и по славянской филологіи.

Если къ этому сочиненію отнестись съ чисто формальной стороны, особенно избравъ точкой отправленія его неудачное заглавіе: «Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи», то оно вызоветъ много возраженій. Въ самомъ дѣлѣ, что это за «Очеркъ», который уже въ I т. превысилъ 1000 стр. и для окончанія котораго потребуется еще 1000 или 2000 страницъ. И можно ли назвать «исторіей» механическое накопленіе разнообразнѣйшихъ свѣдѣній по предметамъ, не представляющимъ въ сущности органическаго цѣлаго и не связаннымъ между собою какою-нибудь руководящей идеей, или общимъ началомъ развитія?

Съ формальныхъ же точекъ зрѣнія можно бы упрекнуть ав-

тора и за неравномѣрность въ обработкѣ матеріаловъ, благодаря чему на первыхъ страницахъ «Очерка» цѣлые вѣка нашей письменности пробѣгаютъ на протяженіи двухъ—трехъ страницъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ главахъ, особенно XIV-ой, читатель видитъ какъ бы погодную лѣтопись явленій славянской филологіи, напр. при описаніи Румянцовскаго круга нашихъ археографовъ.

Не вполнѣ соотвѣтствуютъ историческому характеру книги и нѣкоторые методологическіе пріемы автора. Отъ историка можно бы, кажется, требовать больше вниманія къ условіямъ мѣста и времени, когда возникали и развивались тѣ или другіе взгляды на явленія языка и литературы. При нѣкоторомъ историческомъ освѣщеніи, вѣроятно, повыростали бы въ своемъ размѣрѣ многіе изъ тѣхъ старыхъ нашихъ этимологовъ, діалектологовъ, этнологовъ, которые на страницахъ «Очерка» кажутся столь малыми по сравненію съ Дельбрюкомъ или Бругманомъ.

Недочеты разсматриваемаго сочиненія можно бы дополнить и многими другими, относящимися напр. къ неполнотѣ матеріаловъ или къ частнымъ промахамъ при ихъ обработкѣ и освѣщеніи. Но я нахожу, что въ сочиненіи, столь обширномъ по плану, подобныхъ промаховъ никто не могъ бы избѣжать. Для правильной оцѣнки такого труда недостаточно отмѣтить его недочеты, а необходимо взвѣсить и положительныя его стороны, научное значеніе темы и результаты ея разработки.

«Въ обширномъ матеріалѣ найдется», — говоритъ въ заключеніе г. рецензентъ,—много важныхъ данныхъ и соображеній для филолога русскаго, славяновѣда, «сравнительника», оріенталиста. Особенно важными я считаю, по обилію новыхъ матеріаловъ и детальности ихъ разработки, двѣ послѣднія главы книги, составляющія въ совокупности болѣе 800 стр. По отношенію къ этимъ главамъ никто не можетъ сказать, что это популяризація знаній, уже раньше добытыхъ наукою. Наоборотъ, это самостоятельный и важный вкладъ въ исторію славянорусской филологіи и общаго языковѣдѣнія.

«На основаніи изложеннаго, я позволяю себѣ высказать, что,

хотя указанные недочеты труда г. Булича, особенно его незаконченность, могутъ представлять затрудненія въ присужденіи этому труду большой Ломоносовской преміи, тѣмъ не менѣе, было бы вполнѣ справедливо и согласно съ §§ 3, 5 и 12 «Правилъ о Ломоносовской преміи» присудить автору этого обширнаго и важнаго труда одну изъ малыхъ Ломоносовскихъ премій».

II.

Е. И. Соколова: «*Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Выпускъ второй.* Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. включ.» (Москва, 1905 г.).

Рецензія на означенный трудъ написана, по просьбѣ Отдѣленія, членомъ-корреспондентомъ послѣдняго *И. А. Бычковымъ.*

Въ текущемъ году, 60 лѣтъ спустя послѣ появленія труда Строева, Общество исторіи и древностей Россійскихъ выпустило въ свѣтъ второй выпускъ своей «Библіотеки». Въ него вошло описаніе поступившихъ въ Общество съ 1846 по 1902 г. включительно рукописей славяно-русскихъ и на иностранныхъ языкахъ, рукописныхъ картъ и плановъ, рисунковъ, оригиналовъ доставлявшихся въ Общество статей и сообщеній, большею частью напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ» Общества, и, наконецъ ученыхъ работъ Ю. И. Венелина, О. М. Бодянскаго и А. Н. Попова. Общее количество рукописей и бумагъ, описанныхъ въ этомъ обширномъ (670 страницъ текста въ большую 8-ку) трудѣ библіотекаря Общества Е. И. Соколова, простирается до 1113 нумеровъ.

Надо отдать справедливость г. Соколову: всѣ рукописи въ его трудѣ описаны болѣе или менѣе обстоятельно. Съ особымъ вниманіемъ отнесся составитель «Описанія» къ рукописямъ богослужебнымъ: тутъ онъ входитъ въ большія подробности, произво-

дитъ сличеніе рукописнаго текста съ печатнымъ, отмѣчаетъ всѣ ихъ отличія.

Но и о другихъ рукописяхъ, кромѣ богослужебныхъ, въ трудѣ г. Соколова сообщаются обстоятельныя свѣдѣнія. Между тѣмъ составъ рукописнаго собранія, принадлежащаго Обществу, весьма разнообразенъ (это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что рукописи поступали въ Общество почти исключительно путемъ частныхъ приношеній), и составителю Описанія пришлось поэтому не мало поработать въ разныхъ областяхъ нашей письменности. Зато изслѣдователи должны быть ему благодарны, что онъ познакомилъ ихъ съ тѣмъ рукописнымъ достояніемъ, которымъ владѣетъ Общество и среди котораго они встрѣтятъ не мало матеріаловъ цѣнныхъ или любопытныхъ въ томъ или другомъ отношеніи, въ особенности для русской церковной и гражданской исторіи. Припомнимъ, что составитель сопровождаетъ свои описанія, въ большинствѣ случаевъ, библіографическими указаніями, приводитъ изъ статей неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ выдержки, иногда входитъ въ сравненіе рукописнаго текста памятника съ его печатнымъ изданіемъ.

Всякій, близко знакомый съ дѣломъ описанія рукописей, согласится, что г. Соколовъ много поработалъ для своего труда. Тѣмъ досаднѣе встрѣчающіеся въ «Описаніи» пробѣлы относительно библіографіи рукописей, промахи и ошибки.

Пользованіе книгою г. Соколова значительно облегчается приложеннымъ къ ней подробнымъ указателемъ лицъ, мѣстъ, предметовъ и статей. Можно даже упрекнуть составителя «Описанія» въ излишней подробности этого указателя, занимающаго 261 страницу. Безъ всякаго ущерба для дѣла, этотъ указатель мѣстами можно было бы сократить. Указанные нами нѣкоторые пробѣлы и недосмотры въ трудѣ г. Соколова нисколько не умаляютъ достоинствъ его «Описанія», въ общемъ, исполненнаго весьма тщательно. «Трудъ г. Соколова является весьма полезнымъ пособіемъ для лицъ, занимающихся разработкою нашей исторіи и литературы, и если бы Академія Наукъ нашла возможнымъ при-

судить составителю «Описанія» малую Ломоносовскую премію, то этимъ она оказала бы справедливое вниманіе его обширной и почтенной работѣ, вносящей въ науку не мало новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній».

III.

Оставленнаго при И. Московскомъ Университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русскаго языка и словесности **Н. Н. Дурново**: «*Описаніе говора деревни Парфёнокъ, Рузскаго уѣзда Московской губерніи.* Оттискъ изъ Русск. Филолог. Вѣстника» (Варшава, 1903).

Составленіе критическаго отзыва о трудѣ г. Дурново было поручено Отдѣленіемъ приватъ-доценту Имп. С.-Петербургскаго Университета *Н. М. Каринскому.*

Сочиненіе г. Дурново представляетъ изъ себя томъ въ 280 страницъ, содержащій описаніе говора одной деревни — Парфёнокъ; подробно излагаются фонетика и морфологія, а также приводятся наблюденія надъ словоупотребленіемъ и синтаксисомъ. Въ самомъ описаніи этомъ разсѣяны многочисленныя замѣтки по исторіи русскаго языка и русской діалектологіи, сдѣланныя для указанія на происхожденіе тѣхъ или другихъ особенностей говора или для сближенія ихъ съ соотвѣтствующими особенностями другихъ русскихъ говоровъ. А въ концѣ книги присоединено заключеніе, въ которомъ авторъ пытается установить положеніе описаннаго имъ говора среди другихъ великорусскихъ.

Что касается добавочныхъ замѣтокъ, сопоставленій и толкованій діалектическаго матеріала, то имъ едва ли можно приписать большое научное значеніе.

Если всѣ разсужденія и замѣтки автора, дополняющія его «Описаніе», а равно и заключительная часть, не имѣютъ большого научнаго значенія, то совсѣмъ иное мы должны сказать о самомъ

описаніи говора. Описаніе это обнаруживаетъ не поверхностное знакомство автора съ говоромъ деревни Парфёнокъ и даетъ намъ довольно полное представленіе о фонетическихъ и морфологическихъ особенностяхъ говора, а также не мало свѣдѣній синтаксическаго характера. На всѣ почти особенности представлено достаточное количество примѣровъ. Изображеніе звуковъ въ этихъ примѣрахъ весьма тщательное и, повидимому, точное.

Можно высказать только сожалѣніе, что авторъ, положивъ столько труда на многочисленныя малополезныя замѣчанія и на искусственную классификацію говоровъ, не сдѣлалъ хоть нѣсколькихъ наблюденій надъ говорами ближайшихъ къ описываемому пункту селеній, что значительно возвысило бы научную цѣнность его описанія.

«Во всякомъ случаѣ намъ кажется, — заключаетъ г. рецензентъ, — было бы вполнѣ справедливымъ, если бы Академія нашла возможнымъ присудить г. Дурново по крайней мѣрѣ почетный отзывъ за его добросовѣстное и обстоятельное описаніе, особенно въ виду крайняго недостатка въ научныхъ описаніяхъ русскихъ говоровъ, который такъ живо чувствуютъ всѣ, интересующіеся отечественнымъ языкознаніемъ».

IV.

Магистранта Имп. С.-Петербургскаго Университета **А. И. Яцимирскаго:** «*Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ*» (С.-Пб. 1905. Стран. XL+965, съ XXI-ою таблицею снимковъ съ рукописей).

Критическій отзывъ о трудѣ г. Яцимирскаго составленъ, по просьбѣ Отдѣленія, магистрантомъ *Х. М. Лопаревымъ*.

Послѣ безвременной кончины большого и трудолюбиваго знатока юго-славянской и румынской письменности П. А. Сырку, славяно-румынскія студіи у насъ въ Россіи, къ счастью, не за-

глохли, перерыва въ изученіи ихъ не послѣдовало, ибо въ лицѣ г. Яцимирскаго мы видимъ столь же ревностнаго и ученаго изслѣдователя.

Имя г. Яцимирскаго достаточно говоритъ за себя. Не смотря на свои молодые годы, онъ уже успѣлъ напечатать 120 ученыхъ статей и отдѣльныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ одно изслѣдованіе о Григоріи Цамблакѣ составляетъ весьма почтенный трудъ. Не менѣе солидная работа представлена имъ и на соисканіе Ломоносовской преміи.

Громадный трудъ автора по предварительному изученію славянской письменности, хранящейся въ библіотекахъ Румыніи, обязанъ своимъ происхожденіемъ двукратной поѣздкѣ его въ Румынію, въ 1895 и 1898 годахъ, причемъ въ первый разъ онъ работалъ всего 10 дней, а во второй два съ половиною мѣсяца, въ общей сложности около трехъ мѣсяцевъ (стр. XXXIX).

Во время своихъ поѣздокъ г. Яцимирскій посѣтилъ слѣдующіе монастыри: молдавскій мон. «Агапія», Нямецкій, Бисериканскій, Секульскій, Богдала, Васлупскій, и скитъ Покровскій, далѣе города и селенія: Букурештъ, Яссы, Галацъ, Тульчу, Ботошаны, Пятру, Хуши, Хырлчу, округа: Бакэу, Сочавскій, Путнинскій и пр., и вездѣ пытливаго ученаго привлекали рукописныя собранія или вообще памятники древности, надъ которыми онъ останавливался съ особенною любовію. Въ Букурештѣ онъ штудировалъ рукописи Румынской Академіи и Національнаго Музея древностей, а равно собранія отдѣльныхъ лицъ, преимущественно профессоровъ университета. Въ общей сложности авторомъ пересмотрѣно около 700 рукописей. Вся прикладная сторона книги написана имъ уже въ Россіи въ промежутокъ 1895—1904 годовъ.

Описаніе рукописей произведено по строго опредѣленной схемѣ. Послѣ названія рукописи слѣдуетъ время (вѣкъ) ея написанія, форматъ (точное указаніе длины и ширины рукописи въ сантиметрахъ), число тетрадей, родъ матеріала, на которомъ рукопись написана (отмѣчается только пергаменъ), родъ письма (по-

лууставъ или скоропись) съ его характеристикою, видъ письма, число строкъ на страницѣ (листѣ); художественная сторона рукописи, составъ ея; правописаніе ея, степень ея сохранности, и, наконецъ, родъ переплета. Число листовъ въ рукописяхъ часто не указано или указано лишь приблизительно, такъ какъ рукописи въ Румыніи какъ въ старину не перенумеровывались, такъ не сосчитаны и въ настоящее время.

Но всѣмъ этимъ цѣнность труда г. Яцимирскаго еще не исчерпывается. Благодаря его описанію рукописей, мы узнаемъ болѣе старые списки напр. житій нѣкоторыхъ святыхъ, чѣмъ какіе списки даетъ намъ старорусская письменность, и вообще обогащаемся новыми свѣдѣніями по отдѣльнымъ вопросамъ старославянской письменности.

Столь цѣнный трудъ г. Яцимирскаго, къ сожалѣнію, умаляется довольно многочисленными разнаго рода недостатками. Разбросанность наблюденій, изысканій и библіографическихъ указаній, помимо трудности пользованія книгою, неудобна и въ томъ отношеніи, что всѣ подобнаго рода экскурсы автора неукоснительно занимаютъ свои мѣста между рамками предварительнаго описанія рукописи, и такъ какъ съ одной стороны они иногда очень длинны, занимая по многу страницъ книги, а съ другой звено описанія обыкновенно состоитъ всего изъ двухъ словъ, получается съ внѣшней стороны крайняя неравномѣрность описанія.

Сильный въ начитанности, авторъ менѣе владѣетъ даромъ ученой проницательности. Отмѣчая археологическія и бытовыя черты памятниковъ, онъ, къ сожалѣнію, не остановился надъ такимъ напр. вопросомъ, какъ продолжительность времени постройки церквей, для чего имѣется достаточный матеріалъ въ его книгѣ.

Затѣмъ вообще въ разбираемомъ сочиненіи нѣтъ недостатка въ неясностяхъ, неопредѣленности и неточности въ опредѣленіяхъ.

Существуетъ въ книгѣ и недостатокъ исторической критики.

Спѣшностью автора и небрежностью его редакціи объясняется много недочетовъ книги: то переписывается цѣликомъ оглавленіе, вмѣсто того, чтобы отмѣчать каждую наличную статью въ

самой рукописи; то не указаны листы рукописи, то статьи предлагаются безъ начальныхъ словъ, то двѣ смежныя статьи съ однимъ заглавіемъ и съ одинаковымъ началомъ точнѣе не опредѣлены, то румынскій текстъ, противъ обыкновенія автора, остается не переведеннымъ, то наконецъ, при спѣшности редакціи, пропущены слова, а однажды конецъ одного слова при переносѣ попалъ не на слѣдующую, а на предыдущую строку. Быть можетъ, этимъ же объясняются и неясности, неточности или стилистическія неправильности въ языкѣ автора. Мы не говоримъ уже объ опечаткахъ, хотя филологическій трудъ, особенно славянскій, съ его надстрочными знаками, требовалъ со стороны автора особой внимательности при изданіи текстовъ. Но что всего досаднѣе, есть опечатки даже въ датахъ: въ румыно-славянскомъ текстѣ одна цифра, а въ переводномъ русскомъ текстѣ другая, такъ что не знаешь, гдѣ тутъ опечатка, въ славянскомъ ли, или въ русскомъ.

Книга г. Яцимирскаго можетъ служить вообще очень полезнымъ справочнымъ руководствомъ для начинающаго заниматься письменностью, какъ по полнотѣ палеографическаго опредѣленія каждой рукописи, такъ и по учености и обилію необходимаго прикладнаго аппарата. Но въ этомъ трудѣ, какъ сказано, нѣтъ стройности, нѣтъ выдержанности ученаго метода и есть неясности въ опредѣленіяхъ, неточности въ языкѣ, шероховатости въ стилѣ и небрежности въ редакціи. Вотъ почему мы полагаемъ, что представленное сочиненіе, не удовлетворяющее требованіямъ полной Ломоносовской преміи, по § 12 Правилъ, все же можетъ заслуживать преміи въ половинномъ размѣрѣ.

Комиссія, разсмотрѣвъ поступившие на настоящее соисканіе премій имени М. В. Ломоносова ученые труды, а также ознакомившись съ рецензіями на нихъ гг. членовъ-корреспондентовъ Отдѣленія А. С. Будиловича и И. А. Бычкова, и гг. приватъ-доцента здѣшняго Университета Н. М. Каринскаго и магистранта того же Университета Х. М. Лопарева, — посред-

ствомъ баллотировки присудило 1) проф. С. К. Буличу и Е. И. Соколову *по половинной* Ломоносовской *преміи* въ пятьсотъ рублей каждому, и за присужденіемъ имѣвшихся въ распоряженіи Комиссіи денежныхъ премій имени Ломоносова,—труды другихъ двухъ соискателей: магистрантовъ Н. Н. Дурново и А. И. Яцимирскаго, признала справедливымъ удостоить *почетныхъ отзывовъ* имени Ломоносова.

Настоящее заключеніе комиссіи, Отдѣленіе русск. яз. и словес. единогласно утвердило. Отдѣленіе русск. яз. и словесности симъ позволяетъ себѣ выразить искреннюю благодарность гг. рецензентамъ, разсматривавшимъ, по его порученію, представленныя на настоящій конкурсъ по соисканію премій имени М. В. Ломоносова сочиненія, а именно проф. Имп. Казанскаго Университета А. И. Александрову, члену-корр. А. С. Будиловичу, члену-корр. И. А. Бычкову, приватъ-доценту Н. М. Каринскому и магистранту Х. М. Лопареву.

Слѣдующее ближайшее присужденіе премій имени М. В. Ломоносова по Отдѣленію русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ послѣдуетъ 29-го декабря 1907 года. — Срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе этихъ премій назначено 1-го іюня 1907 года.

I.

Отзывъ о сочиненіи **С. К. Булича**: „Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи". Т. I. СПБ. 1904.

Изъ предисловія этой книги мы узнаемъ, что по первоначальному плану, возникшему еще въ 1897 г. въ средѣ университетскихъ слушателей г. Булича, книга должна была состоять изъ сдѣланнаго студентами перевода извѣстнаго сочиненія Б. Дельбрюка: Einleitung in das Sprachstudium (по 3-му изд. 1893 г.), подъ общей редакціей С. К. Булича, который намѣренъ былъ приложить къ переводу, въ видѣ небольшого дополненія, свой Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Книга не должна была превышать 15 печ. лист. Но переводъ названнаго сочиненія затянулся и могъ быть законченъ лишь въ 1900 г., почему при печатаніи его въ 1901 г. редактору пришлось снабдить оный нѣкоторыми примѣчаніями и даже вставками въ текстѣ, для освѣженія библіографіи. Что касается задуманнаго редакторомъ Очерка по исторіи русскаго языкознанія, то хотя первоначальный его набросокъ былъ напечатанъ еще въ 1899 г. въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, однако, при переработкѣ для новаго изданія, Очеркъ этотъ все болѣе расширялся и достигъ, наконецъ, 68 печ. лист., притомъ не въ законченномъ видѣ, а лишь въ половинномъ составѣ, доведенномъ до 1825 г. Понятно, что при такомъ расширеніи объема Очеркъ г. Булича не могъ уже считаться дополненіемъ къ Введенію Дельбрюка,

а наоборотъ, получилъ значеніе самостоятельнаго сочиненія, къ которому Дельбрюково Einleitung приложено вмѣсто вступленія. Печатаніе книги длилось не менѣе трехъ лѣтъ (1901—1904 гг.), почему нѣкоторыя главы Очерка, по сознанію самого автора (стр. X), требуютъ уже дополненій, каковыя онъ и предполагаетъ сдѣлать въ концѣ II т., гдѣ будетъ приложенъ и общій указатель сочиненія.

Хотя указанныя обстоятельства, особенно же незаконченность труда г. Булича, нѣсколько затрудняютъ общую его оцѣнку, тѣмъ не менѣе научный характеръ этого труда достаточно выяснился и въ I-омъ его томѣ; значительность же собранныхъ и обработанныхъ въ немъ матеріаловъ позволяетъ разсматривать книгу какъ самостоятельный вкладъ въ славяно-русскую филологію.

Въ настоящемъ отзывѣ я не стану распространяться о Дельбрюковомъ Введеніи. Научное достоинство этого сочиненія представляется общепризнаннымъ, а необходимость его перевода на русскій языкъ сознавалась еще въ 80-ыхъ годахъ, когда часть такого перевода (по 2-му нѣмецкому изд.) была напечатана въ воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ (1884—1888 гг.), какъ это отмѣчено и въ предисловіи г. Булича. При бѣгломъ сравненіи сдѣланнаго студентами и проредактированнаго г. Буличемъ перевода съ нѣмецкимъ подлинникомъ, переводъ этотъ оказался вообще точнымъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неровностей и шероховатостей[1]).

Переходя затѣмъ къ самостоятельной части этого изданія, именно къ Очерку г. Булича, мы находимъ, что онъ обнимаетъ очень обширный и разнообразный матеріалъ по исторіи славяно-русской филологіи и примыкающимъ къ ней отдѣламъ общаго языковѣдѣнія. Матеріалъ этотъ разбитъ на 14 главъ, изъ коихъ первыя четыре (стр. 149—190) разсматриваютъ до-петровскую эпоху нашего языковѣдѣнія, слѣдующія девять главъ (стр. 190—

1) Ср., напримѣръ, на стр. 53 слова: «Я думаю, что въ дальнѣйшемъ» и т. д.

520) посвящены XVIII в., а послѣдняя и самая обширная (стр. 520—1228) захватываетъ первую четверть XIX в. Такимъ образомъ канвой для этого Очерка является чуть не тысячелѣтіе славяно-русской филологіи, крайними гранями котораго служатъ съ одной стороны эпоха Славянскихъ Первоучителей, а съ другой — кончина канцлера гр. Н. П. Румянцева.

Что касается предметовъ, на которыхъ сосредоточено вниманіе автора Очерка, то въ первыхъ главахъ таковыми являются главнымъ образомъ вопросы грамматической терминологіи и нѣкоторые отдѣлы фонетики и морфологіи. Авторъ слѣдитъ за источниками нашихъ старыхъ грамматическихъ трактатовъ, ихъ отношеніемъ къ образцамъ греческимъ и латинскимъ и преемственностью грамматическихъ теорій въ нашей древней и старой литературѣ. При обозрѣніи старыхъ глоссаріевъ, разнаго типа и наименованія, авторъ выдѣляетъ часть языковѣдную отъ энциклопедической и старается опредѣлить по даннымъ этого рода умственный горизонтъ нашихъ предковъ, между прочимъ по вопросамъ этнологіи и исторіи. Въ дальнѣйшихъ главахъ, относящихся къ XVIII в., къ этимъ точкамъ зрѣнія присоединяются еще вопросы объ образованіи русскаго литературнаго языка, о классификаціи языковъ и сравнительной ихъ грамматикѣ, въ связи съ генеалогіей и культурными сношеніями народовъ. Наконецъ, въ XIX в., въ кругъ изученія втягиваются еще вопросы палеографіи, археографіи, діалектологіи и всего славяновѣдѣнія.

Научный арсеналъ автора, которымъ онъ располагалъ при составленіи Очерка, представляется весьма обширнымъ: имъ приняты во вниманіе не только всѣ сводные труды по исторіи нашего просвѣщенія, но и громадное количество монографій, даже мелкихъ журнальныхъ статей, при чемъ авторъ по возможности пользуется первоизданіями и во многихъ случаяхъ дополняетъ ихъ рукописными матеріалами изъ древлехранилищъ Петербурга, Москвы, Казани.

Что касается критеріевъ, которыми руководился авторъ при оцѣнкѣ старыхъ трудовъ по языковѣдѣнію, то такіе критеріи

взяты имъ главнымъ образомъ изъ современнаго состоянія соотвѣтственныхъ отдѣловъ науки, при чемъ авторъ обнаруживаетъ широкую эрудицію, особенно по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ и по славянской филологіи. Относительно прочихъ привлекаемыхъ авторомъ къ изученію языковъ, напр. угро-финнскихъ, тюркскихъ, монгольскихъ, кавказскихъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ Очеркѣ не имѣется указаній на его спеціальное съ ними знакомство; но зато онъ вполнѣ оріентированъ въ современномъ ученіи о классификаціи этихъ языковъ, что особенно выражается въ обширной XIII главѣ Очерка, составленной въ значительной степени по рукописнымъ матеріаламъ, а потому заслуживающей полнаго вниманія нашихъ оріенталистовъ.

По вопросу о соотношеніи въ нашемъ литературномъ языкѣ стихій церковно-славянскихъ и русскихъ, — чему посвящена была г. Буличемъ и раньше, уже въ 1903 г., особая книга (п. з. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ) — авторъ занялъ положеніе нѣсколько аналогичное Манцонистамъ въ Италіи, хотя и не дошелъ до полнаго отрицанія умѣстности въ нашемъ общемъ языкѣ осадковъ старины.

Если къ этому сочиненію отнестись съ чисто формальной стороны, особенно избравъ точкой отправленія его неудачное заглавіе: «Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи», то оно вызоветъ много возраженій. Въ самомъ дѣлѣ, что это за «Очеркъ», который уже въ I т. превысилъ 1000 стр., и для окончанія котораго потребуется еще 1000 или 2000 стр.! И можно ли назвать «исторіей» механическое накопленіе разнообразнѣйшихъ свѣдѣній по предметамъ, не представляющимъ въ сущности органическаго цѣлаго и не связаннымъ между собою какою-нибудь руководящей идеей или общимъ началомъ развитія? Терминъ «языкознаніе» также представляется здѣсь крайне неяснымъ, ибо въ однихъ мѣстахъ онъ употребляется въ смыслѣ практическаго знакомства съ языками (напр., въ главахъ IV и XII), въ другихъ же въ смыслѣ науки объ языкѣ, то-есть языковѣдѣнія, или даже филологіи

(напр., въ главѣ XIV). Наконецъ, и терминъ «въ Россіи» не имѣетъ въ Очеркѣ достаточной опредѣленности, ибо понимается то въ смыслѣ географическомъ, то этнологическомъ, то политическомъ. Оттого изданія, положимъ, львовскія, иногда вводятся въ рамки Очерка (глава III), иногда же не вводятся (глава XIV) Нѣкоторыя части нынѣшней Россіи, напр., Польша, Остзейщина, Кавказъ, лишь случайно появляются на страницахъ Очерка. Многіе же западно-европейскіе ученые и ихъ труды на западныхъ языкахъ фигурируютъ въ Очеркѣ нашего языкознанія исключительно потому, что эти ученые стояли въ какихъ-нибудь отношеніяхъ къ нашей Академіи Наукъ, или къ такимъ международнымъ затѣямъ, какъ Сравнительный словарь Екатерины II.

Съ формальныхъ же точекъ зрѣнія можно бы упрекнуть автора и за неравномѣрность въ обработкѣ матеріаловъ, благодаря чему на первыхъ страницахъ Очерка цѣлые вѣка нашей письменности пробѣгаютъ на протяженіи двухъ-трехъ страницъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ главахъ, особенно XIV, читатель видитъ какъ бы погодную лѣтопись явленій славянской филологіи, напр., при описаніи Румянцевскаго круга нашихъ археографовъ.

Не вполнѣ соотвѣтствуютъ историческому характеру книги и нѣкоторые методологическіе пріемы автора. Отъ историка можно бы, кажется, требовать больше вниманія къ условіямъ мѣста и времени, когда возникали и развивались тѣ или другіе взгляды на явленія языка и литературы. При нѣкоторомъ историческомъ освѣщеніи, вѣроятно, повыростали бы въ своемъ размѣрѣ многіе изъ тѣхъ старыхъ нашихъ этимологовъ, діалектологовъ, этнологовъ, которые на страницахъ Очерка кажутся столь малыми по сравненію съ Дельбрюкомъ или Бругманомъ.

Односторонность оцѣнки стараго по взглядамъ «послѣдняго слова науки» въ данномъ случаѣ представляется тѣмъ очевиднѣе, что самъ Дельбрюкъ, избранный нашимъ авторомъ какъ бы въ путеводители при скитаніи по дебрямъ языковѣдѣнія, крайне скептически относится къ большей части этихъ «послѣднихъ словъ», и выразилъ пожеланіе, чтобы «языкознаніе вступило изъ

«философскаго періода въ историческій» (стр. 148). Подъ «философіей» же Дельбрюкъ разумѣлъ въ данномъ случаѣ многія якобы непреложныя истины современной этимологіи, — отчасти тѣ самыя, на основаніи которыхъ нашъ авторъ призналъ умѣстнымъ столь требовательно относиться не только къ нашимъ старымъ филологамъ, но и къ нѣкоторымъ новымъ, напр., къ академику Соболевскому (ср. стр. 695, 866, 1086).

Если столь спорными оказались, по сознанію самого Дельбрюка, философскія обобщенія въ области сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, то что сказать о достигнутыхъ донынѣ обобщеніяхъ въ вопросахъ общаго языковѣдѣнія, на каковыя обобщенія опирается между тѣмъ нашъ авторъ при слишкомъ ужъ самоувѣренной оцѣнкѣ старыхъ взглядовъ на происхожденіе языка и его отношенія къ жизни личной и народной!

Далеко не законченъ еще и нашъ старый споръ о стихіяхъ общерусскаго литературнаго языка, почему и не слѣдовало, кажется, въ Очеркѣ столь высокомѣрно относиться къ Шишкову и его единомышленникамъ.

При большемъ вниманіи къ историческимъ критеріямъ изслѣдованія не пришлось бы автору впадать въ такія противорѣчія съ собою, какое находится, напр., на стр. 1214, гдѣ «обширные этюды Шишкова въ области сравнительной грамматики славянскихъ языковъ» признаются «почти макулатурой, пожалуй, лишенной даже историческаго значенія». Вѣдь въ читателѣ невольно зарождается вопросъ: кто же заставляетъ г. Булича наполнять цѣлыя страницы своего Очерка подобнаго рода «макулатурой»?

Указанные недочеты разсматриваемаго сочиненія можно бы дополнить и многими другими, относящимися, напр., къ неполнотѣ матеріаловъ (какъ это отмѣчено академикомъ Соболевскимъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1905 г. № 2), или къ частнымъ промахамъ при ихъ обработкѣ и освѣщеніи. Но я нахожу, что въ сочиненіи, столь обширномъ по плану, подобныхъ промаховъ никто не могъ бы избѣжать. Для правильной оцѣнки такого труда недостаточно отмѣтить его недочеты, а необходимо взвѣ-

сить и положительныя его стороны—научное значеніе темы и результаты ея разработки. Въ этомъ отношеніи едва ли кто станетъ отрицать, что если даже мы взглянемъ на трудъ г. Булича только какъ на сборникъ матеріаловъ для исторіи русскаго языковѣдѣнія, въ области прежде всего славяно-русской, а затѣмъ индо-европейской и общей, то и въ такомъ случаѣ его работа должна быть признана столь же необходимою въ нашей литературѣ и столь же важною, какъ извѣстный трудъ проф. Иконникова по русской исторіографіи. Съ этой точки зрѣнія второстепенное значеніе имѣетъ несимметричность въ обработкѣ г. Буличемъ отдѣльныхъ частей собраннаго имъ матеріала. Если даже научная библіографія въ той или другой области представляется необходимымъ пособіемъ при дальнѣйшей ея разработкѣ, то можно ли отрицать важность такого труда, гдѣ сверхъ библіографіи представлена масса выписокъ, которымъ дана соотвѣтственная обработка и освѣщеніе? Количество разсмотрѣнныхъ здѣсь книгъ и статей, вѣроятно, превышаетъ 2000, ибо однѣхъ рукописей использовано было при этомъ авторомъ до 276[1]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ матеріалѣ найдется много важныхъ данныхъ и соображеній для филолога русскаго, славяновѣда, сравнительника, оріенталиста. Особенно важными я считаю, по обилію новыхъ матеріаловъ и детальности ихъ разработки, двѣ послѣднія главы книги, составляющія въ совокупности болѣе 800 стр. По отношенію къ этимъ главамъ никто не можетъ сказать, что это популяризація знаній, уже раньше добытыхъ наукою. Наоборотъ, это самостоятельный и важный вкладъ въ исторію славяно-русской филологіи и общаго языковѣдѣнія.

На основаніи изложеннаго, я позволяю себѣ высказать, что хотя указанные недочеты труда г. Булича, особенно его незаконченность, могутъ представлять затрудненія въ присужденіи

1) Беру это указаніе изъ «Отвѣта г. Булича академику Соболевскому» (СПБ. 1905, стр. 12), написаннаго, къ сожалѣнію, въ слишкомъ ужъ нервномъ тонѣ; тонъ этотъ можетъ быть оправдываемъ единственно общей нервностью переживаемаго нами времени.

этому труду большой Ломоносовской преміи, тѣмъ не менѣе было бы вполнѣ справедливо и согласно съ §§ 3, 5 и 12 «Правилъ о Ломоносовской преміи» присудить автору этого обширнаго и важнаго труда одну изъ малыхъ Ломоносовскихъ премій.

Профессоръ **А. Будиловичъ.**

1 ноября 1905.

II.

Отзывъ о трудѣ **Е. И. Соколова**: „Библіотека Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Выпускъ второй. Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г. вкл." (Москва. 1905).

Императорское Общество исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ еще за первые годы своего существованія успѣло составить собраніе рукописей, среди которыхъ было немало цѣнныхъ для отечественной исторіи; къ прискорбію, это собраніе, вмѣстѣ со всею библіотекою Общества, погибло въ пожаръ 1812 года.

Съ возстановленіемъ въ 1813 году дѣятельности Общества, въ библіотеку его стали снова поступать рукописи, главнымъ образомъ путемъ частныхъ приношеній. Къ 1845 году Общество насчитывало въ своей библіотекѣ славяно-русскихъ рукописей 330 нумеровъ и 6 рукописей на иностранныхъ языкахъ. Описаніе этихъ рукописей, составленное П. М. Строевымъ, вошло въ его трудъ: «Библіотека Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ», изданный въ 1845 году (см. стр. 3—148 и 261—265).

Въ текущемъ году, 60 лѣтъ спустя послѣ появленія труда Строева, Общество исторіи и древностей россійскихъ выпустило

въ свѣтъ второй выпускъ своей «Библіотеки». Въ него вошло описаніе поступившихъ въ Общество съ 1846 по 1902 г. включительно рукописей славяно-русскихъ и на иностранныхъ языкахъ, рукописныхъ картъ и плановъ, рисунковъ, оригиналовъ доставлявшихся въ Общество статей и сообщеній, большею частью напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ» Общества, и, наконецъ, ученыхъ работъ Ю. И. Венелина, О. М. Бодянскаго и А. Н. Попова. Общее количество рукописей и бумагъ, описанныхъ въ этомъ обширномъ (670 страницъ текста въ большую 8-ку) трудѣ библіотекаря Общества Е. И. Соколова, простирается до 1113 нумеровъ.

Описаніе рукописей [1]) раздѣлено на слѣдующіе отдѣлы: Рукописи XV вѣка; Рукописи XVI вѣка; Рукописи XVII вѣка; Рукописи XVIII вѣка; Бумаги и рукописи XVIII — XIX вв.; Рукописи и бумаги XIX вѣка. Затѣмъ въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ рукописи распредѣлены въ алфавитномъ порядкѣ ихъ названій или фамилій авторовъ сочиненій. Такой порядокъ размѣщенія рукописей нельзя признать удачнымъ; несравненно болѣе удобствъ для лицъ, пользующихся печатными описаніями или каталогами рукописей, представляетъ распредѣленіе ихъ въ такого рода трудахъ въ порядкѣ систематическомъ, по содержанію рукописей. По всему вѣроятію, г. Соколовъ не хотѣлъ отступить отъ алфавитной системы, принятой Строевымъ въ вышеназванномъ трудѣ его, изданномъ Обществомъ исторіи и древностей въ 1845 году, хотя неудобства этой системы тогда же были указаны Ундольскимъ [2]).

«При описаніи отдѣльныхъ рукописей — читаемъ въ предисловіи г. Соколова, — кромѣ общихъ пріемовъ, соблюдались, по возможности, еще слѣдующіе: 1) перечислялись всѣ находящіяся въ рукописяхъ статьи, 2) изъ нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ статей, содержащихся въ рукописяхъ и пред-

---

1) Мы имѣемъ въ виду лишь рукописи славяно-русскія.

2) Ундольскій, Библіографическія разысканія, М. 1846, стр. 24 и 29.

ставляющихся въ какомъ-либо отношеніи любопытными, приведены болѣе или менѣе обширныя выдержки, 3) въ рукописяхъ греческихъ, латинскихъ и польскихъ передано содержаніе каждой статьи и сдѣланы переводы нѣкоторыхъ статей на русскій языкъ, 4) указаны, по возможности, библіографическія данныя, касающіяся той или другой рукописи, 5) показано, по мѣстамъ, гдѣ это считалось нужнымъ, отношеніе рукописнаго текста къ печатному, 6) указывались прежніе владѣльцы и жертвователи рукописей, при этомъ дословно приводились и разныя приписки, встрѣченныя въ рукописяхъ, и 7) въ приведенныхъ текстахъ рукописей соблюдалась дипломатическая точность».

Надо отдать справедливость г. Соколову: всѣ рукописи въ его трудѣ описаны болѣе или менѣе обстоятельно. Съ особымъ вниманіемъ отнесся составитель описанія къ рукописямъ богослужебнымъ: тутъ онъ входитъ въ большія подробности, производитъ сличеніе рукописнаго текста съ печатнымъ, отмѣчаетъ всѣ ихъ отличія. Такъ, напр., описаніе служебной минеи 1476 г. за октябрь мѣсяцъ (№ 336) занимаетъ 21 страницу; описаніе служебной минеи XV вѣка за ноябрь и декабрь (№ 337)— 15 страницъ; Шестодневъ конца XV вѣка (№ 339) описанъ на 7 страницахъ; другой Шестодневъ XVI вѣка (№ 349)—на 12 страницахъ, и т. д.

Изъ службъ русскимъ святымъ г. Соколовъ подробно останавливается на службахъ: Арсенію, епископу тверскому, составленной въ 1655 году и въ печатную минею не вошедшей (стр. 144—146); св. царевичу Димитрію (15 мая) (стр. 287—290; приводятся всѣ отличія рукописнаго текста отъ печатной минеи); преп. Ефрему Перекомскому (стр. 371—372); на перенесеніе мощей преп. Зосимы и Савватія Соловецкихъ въ 7074 (1566) году (стр. 364—366; этой службы нѣтъ въ печатной минеѣ); преп. Нилу Столбенскому (стр. 150—151; подробное сличеніе съ печатною службою); Ѳеоктисту, архіепископу новгородскому (стр. 372—374; служба эта встрѣчается въ рукописяхъ крайне рѣдко).

Въ одной изъ рукописей Общества (№ 451) г. Соколовымъ найдена служба св. царевичу Димитрію на пренесеніе его мощей изъ Углича въ Москву, въ 3 день іюня. Въ печатной минеѣ этой службы не имѣется; не встрѣчается она и въ извѣстныхъ печатныхъ описаніяхъ рукописей. Празднованіе на пренесеніе мощей царевича Димитрія изъ Углича въ Москву (на 3 іюня), за неимѣніемъ службы, не совершается въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ почиваютъ мощи святого царевича. Имѣя въ виду рѣдкость и важное значеніе для Москвы этой позабытой ею службы, г. Соколовъ издалъ ее полностью (стр. 291—300). Служба эта была составлена въ 1636 году (стр. 287); тогда же было написано для «чтенія» въ церкви похвальное слово на пренесеніе мощей св. царевича въ Москву, равнымъ образомъ напечатанное въ разсматриваемой нами книгѣ (стр. 282—287), въ виду того что оно неизвѣстно по печатнымъ описаніямъ другихъ рукописныхъ собраній. Составителю Описанія не излишне было бы указать при этомъ на зависимость этого похвальнаго слова отъ Сказанія о пренесеніи мощей св. царевича Димитрія изъ Углича въ Москву, внесеннаго въ Минеи Іоанна Милютина (см. Русскую Историч. Библіотеку, изд. Археографическою Коммиссіею, т. XIII, СПб. 1891, стр. 917—920).

Отмѣтимъ еще замѣчанія г. Соколова о службѣ преп. Марону, «емуже отъ Бога дадеся благодать цѣлити огневичную и трясавичную и прочія болѣзни и скорби, егоже память творимъ Февруаріа въ 14 день» (стр. 279—282 и 497). Передъ подробнымъ обозрѣніемъ службы этому святому (не имѣющейся въ печатной минеѣ), г. Соколовъ приводитъ замѣтку архіепископа Сергія въ его «Полномъ мѣсяцесловѣ Востока» о томъ, что «наши предки вѣрили, на основаніи житія Марона у Θеодорита, что препод. Маронъ исцѣляетъ отъ лихорадки и отъ горячки; въ старопечатномъ канонникѣ 31 октября есть ему служба въ семъ родѣ», и говоритъ (стр. 280), что въ виду того, что высокопреосвященный Сергій не указалъ ни года, ни мѣста изданія старопечатнаго канонника, въ которомъ помѣщена служба преп. Ма-

рону, составитель Описанія не могъ «воспользоваться канонникомъ, старопечатныхъ изданій котораго существуетъ нѣсколько», для сличенія службы преп. Марону, находящейся въ рукописи Общества. Замѣтимъ, что если бы г. Соколовъ пересмотрѣлъ старопечатныя изданія канонника, то онъ въ нихъ и не нашелъ бы службы преп. Марону. Но замѣчаніе архіепископа Сергія, что подъ 31 октября въ канонникѣ напечатана служба преп. Марону, вѣрно; только канонникъ этотъ можно назвать старопечатнымъ лишь относительно. Именно, въ «Канонникѣ съ дополненіемъ дванадесятымъ праздникамъ и богородичнымъ и святымъ нарочитымъ», изданномъ въ Вильнѣ въ 7306 (1798) году, помѣщена подъ 31 октября (глава 62-я) служба преподобному Марою чудотворцу, «иже избавляетъ отъ огницы и трясавицы». Находящійся здѣсь канонъ этому святому (6-го гласа) другой[1]), чѣмъ имѣющійся въ рукописи Общества (8-го гласа).

Но и о другихъ рукописяхъ, кромѣ богослужебныхъ, въ трудѣ г. Соколова сообщаются обстоятельныя свѣдѣнія. Между тѣмъ составъ рукописнаго собранія, принадлежащаго Обществу, весьма разнообразенъ (это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что рукописи поступали въ Общество почти исключительно путемъ частныхъ приношеній), и составителю Описанія пришлось поэтому немало поработать въ разныхъ областяхъ нашей письменности. Зато изслѣдователи должны быть ему благодарны, что онъ познакомилъ ихъ съ тѣмъ рукописнымъ достояніемъ, которымъ владѣетъ Общество, и среди котораго они встрѣтятъ немало матеріаловъ цѣнныхъ или любопытныхъ въ томъ или другомъ отношеніи, въ особенности для русской церковной и гражданской исторіи. Припомнимъ, что составитель сопровождаетъ свои описанія, въ большинствѣ случаевъ, библіографическими указаніями, приводитъ изъ статей неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ выдержки, иногда входитъ въ сравненіе рукописнаго текста памятника съ его печатнымъ изданіемъ.

1) Начало 1-й пѣсни канона: Моего разума твоими молитвами мракъ отрени, преподобне отче Марое.

Всякій, близко знакомый съ дѣломъ описанія рукописей, согласится, что г. Соколовъ много поработалъ для своего труда. Тѣмъ досаднѣе встрѣчающіеся въ Описаніи пробѣлы относительно библіографіи рукописей, промахи и ошибки. Позволяемъ себѣ отмѣтить нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, при описаніи Уложенія царя Алексѣя Михайловича (№ 374), по поводу отличій двухъ первыхъ изданій этого памятника, сдѣлана ссылка только на «Обозрѣніе славяно-русской библіографіи» Сахарова. Но Сахаровымъ указано лишь весьма небольшое количество признаковъ, по которымъ различаются оба изданія Уложенія. Кромѣ чисто внѣшнихъ особенностей, они существенно различаются и со стороны внутренняго содержанія нѣкоторыхъ статей. Обстоятельное сравненіе обоихъ изданій, какъ относительно внѣшнихъ признаковъ, такъ и относительно содержанія нѣкоторыхъ статей произведено профессоромъ Загоскинымъ («Уложеніе царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и Земскій соборъ 1648—49 гг.». Казань. 1879). Не мѣшало бы указать и статьи г. Мейчика объ Уложеніи, напечатанныя въ «Сборникѣ Археологическаго Института» (кн. 2-я, СПб. 1879, отд. I, стр. 1—30, и кн. 3-я, СПб. 1880, отд. I, стр. 83—139). Описывая Казанскій лѣтописецъ (№ 427), составитель пользуется, для сравненія рукописнаго текста съ печатнымъ, старымъ изданіемъ этого лѣтописца (СПб. 1791) и не упоминаетъ о новомъ, лучшемъ его изданіи въ XIX томѣ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей (СПб. 1903). При описаніи Сибирской лѣтописи Саввы Есипова (№ 452) не сдѣлано указаній на текстъ этой лѣтописи, напечатанный въ Отечественныхъ Запискахъ 1849 года (т. LXIII, отд. II, стр. 150 — 236). Описывая экземпляры Прохладнаго вертограда (№№ 389 и 390), составитель не упоминаетъ о трудѣ Л. Ѳ. Зміева «Русскіе врачебники», напечатанномъ въ CXII выпускѣ «Памятниковъ древней письменности» (СПб. 1895). Подъ № 472 даются свѣдѣнія о слѣдующей рукописи: «Сатирическіе стихи 1761 г.» подъ заглавіемъ: «Изъясненіе несколко известныхъ делъ проклятаго сборища франктъ-масонскаго», въ продольную 4-ку, на 6 ли-

стахъ». Никакихъ библіографическихъ указаній не дано. Между тѣмъ эта рукопись, сообщенная въ Общество покойнымъ Н. Н. Селифонтовымъ, была напечатана въ «Чтеніяхъ» Общества за 1871 годъ (кн. 4-я, Смѣсь, стр. 11—16). Подъ № 833 — 834 мы читаемъ: «Сперанскаго М. М. Письмо съ объяснительною запискою, въ 2-хъ копіяхъ»; при этомъ говорится, что выдержки изъ этого письма и записки приведены въ разныхъ главахъ сочиненія барона М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанскаго». Но, послѣ появленія книги Корфа, это «Пермское письмо» Сперанскаго къ императору Александру I вмѣстѣ съ оправдательною запискою было напечатано полностью нѣсколько разъ, сперва по рукописнымъ спискамъ, а потомъ, въ 1891 году, наконецъ, и по подлиннику Н. К. Шильдеромъ въ «Русскомъ Архивѣ» (перепечатано и въ сочиненіи покойнаго историка «Императоръ Александръ I», томъ II, стр. 515—527). Подъ № 881 читаемъ слѣдующее: «Шаликова, П. И. князя. Посланіе въ стихахъ о предполагавшихся одеждахъ для женъ и дѣтей бѣлаго духовенства по силѣ синодальнаго указа 1825 г. (?) 31 августа. — Посланія князя Шаликова печатались въ издаваемомъ имъ «Дамскомъ Журналѣ»; было ли напечатано названное посланіе, сказать не можемъ; въ неполномъ экземплярѣ, бывшемъ у насъ подъ руками, указаннаго «Дамскаго Журнала» мы не нашли названнаго «Посланія». Жаль, что въ Описаніи не приведены начальныя строки этого Посланія. Тогда можно было бы съ точностью опредѣлить, не тѣ ли это стихи, которые напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1901 года, вып. 8, стр. 588—589[1]). Описывая, въ отдѣлѣ бумагъ А. Н. Попова, замѣтки его о рукописи 1580 года и находящемся въ этой рукописи Евангеліи, напечатанномъ въ типографіи Василія Тяпинскаго, г. Соколовъ, опираясь на «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1856 годъ, считаетъ это Евангеліе напечатаннымъ, вѣроятно,

1) Тамъ же, стр. 587, напечатанъ и самый указъ 31 августа 1825 г.; указа этого нѣтъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, и потому, быть можетъ, онъ возбудилъ сомнѣніе составителя Описанія.

около 1580 года (стр. 659). Составителю Описанія осталась неизвѣстною статья архимандрита Леонида, помѣщенная въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1884 года (май, отдѣлъ критики и библіографіи, стр. 43 — 44), въ которой доказано, что Евангеліе Тяпинскаго напечатано въ 1570-хъ годахъ. При описаніи сборника, содержащаго въ себѣ родословныя книги и выписки изъ разрядныхъ книгъ (№ 364), составитель печатаетъ цѣликомъ извѣстіе о происхожденіи князей Волконскихъ (стр. 136); между тѣмъ это извѣстіе было уже напечатано (см. княгиня Е. Г. Волконская, Родъ князей Волконскихъ, СПб. 1900, стр. 63). Подъ № 639 читается описаніе слѣдующей рукописи: «Копія съ современнаго письма, о воцареніи императрицы Екатерины II, новѣйшаго письма, въ листъ, на 6 листахъ (копія не окончена). Письмо адресовано «Андрею Тимоѳеевичу». Въ письмѣ разсказывается о неудавшемся покушеніи на жизнь Екатерины со стороны Гудовича и Мельгунова, о присягѣ Екатеринѣ, объ арестованіи принца Жоржа, о мѣрахъ, принятыхъ императоромъ Петромъ III при воцареніи Екатерины и кончинѣ Петра III-го» (стр. 436). Какъ лицо, писавшее письмо, такъ и то лицо, къ которому письмо адресовано, извѣстны: письмо писано Иваномъ Тимоѳеевичемъ Балабинымъ, генеральсъ-секретаремъ при с.-петербургскомъ генералъ-полицiймейстерѣ баронѣ Н. А. Корфѣ, къ извѣстному Андрею Тимоѳеевичу Болотову, 11-го іюля 1762. Самое письмо издано В. А. Бильбасовымъ въ приложеніяхъ ко II тому его Исторіи Екатерины II (см. въ изданіи Штура, т. II, стр. 643—647). Упоминаемый въ письмѣ принцъ Жоржъ—это дядя Петра III, генералъ-фельдмаршалъ принцъ Георгъ-Лудвигъ Голштинскій. Отмѣчаемъ это потому, что въ указателѣ къ труду г. Соколова, стр. 744, подъ буквою Ж мы читаемъ: «Жоржъ, принцъ. Объ арестованіи его, 436».

Подъ № 431 подробно описана «Опись ризницы и книгохранилища Кіево-Печерской лавры, конца XVIII вѣка» (стр. 237—243), при чемъ на стр. 240 — 241 приведенъ списокъ хранившихся въ лаврѣ рукописей. Здѣсь, между прочимъ, показаны

двѣ рукописи, возбудившія недоумѣніе составителя Описанія, именно: 1) Разговоръ учителя съ ученикомъ о Бозѣ истихиахъ (?), въ четверть, одна, и 2) Мировумія (sic) теесалина (sic), въ четверть, одна. Вопросительный знакъ и повторенное sic принадлежатъ г. Соколову. Первое недоумѣніе легко разрѣшается раздѣленіемъ слова истихиахъ на два слова: и стихиахъ (т.-е. стихіяхъ); смыслъ ясенъ; рѣчь идетъ, очевидно, о Луцидаріусѣ. Что касается второй рукописи (она и въ указателѣ осталась необъясненною; см. стр. 797: «Мировумія теесалина», рукопись. Упом. въ Описи Кіево-Печерской Лавры конца XVIII в. 241), то если бы составитель Описанія заглянулъ въ трудъ Н. И. Петрова («Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ». Выпускъ II. Москва. 1897. Изданіе Импер. Общества Исторіи и древностей Россійскихъ), то среди рукописей Кіево-Печерской Лавры онъ нашелъ бы (стр. 61) «Маровуліа Тассалина притчы нравоучителніи о добродѣтели и фортунѣ, съ латинскаго языка на славенскій переведеныхъ (sic; читай: переведены) 1730 году». А если бы г. Соколовъ простеръ далѣе свои ученыя разысканія, то въ «Описаніи рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Императорскаго Казанскаго университета», составленномъ А. И. Артемьевымъ (СПб. 1882), онъ нашелъ бы подробное описаніе Притчей Мировулія Тассалина (стр. 307—309) и указаніе на латинскій подлинникъ этого сочиненія (Adverbiorum moralium seu de virtute et fortuna libellum), изд. въ Варшавѣ въ 1691 году. «Авторъ его — говоритъ Артемьевъ — былъ одинъ польскій сенаторъ, скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ Mirobulius Tassalinus»), а изъ труда Estreicher'a, Bibliografia Polska, т. VIII, Kraków. 1882, стр. 418, узналъ бы, что подъ псевдонимомъ Mirobulius Tassalinus скрывается Станиславъ-Гераклій Любомирскій (р. 1640 + 1702, литераторъ и философъ, маршалокъ великій коронный).

При описаніи Разрядной книги за 1476—1559 годы (№ 362) приводится (стр. 132) ея начало: «Лѣта 6984 (1476) мѣсяца октября въ 22-й день на память св. Аверкія Ерапольскаго князь

великій Василій Васильевичъ всеа Руси поехалъ с Москвы въ свое отчину в Великій Новгородъ Миромъ (?)». Знакъ вопроса принадлежитъ г. Соколову. Въ этой выпискѣ слѣдовало бы оговорить, что въ рукописи имя великаго князя Василія Васильевича ошибочно стоитъ вмѣсто Иванъ Васильевичъ; далѣе слово «Миромъ» слѣдовало напечатать со строчной буквы (миромъ). Смыслъ фразы вполнѣ ясенъ. Любопытно, что это слово «Миромъ» попало въ указатель къ труду г. Соколова (стр. 797) съ слѣдующимъ объясненіемъ: «Миромъ (?), вотчина велик. князя Василія Васильевича, въ Новгородѣ. 122».

Подъ № 435 значатся «Письма въ подлинникахъ Глуховскаго стольника Өеодора Протасьева къ государственному канцлеру графу Г. И. Головкину 1715—1716 гг.». Это письма стольника Өедора Ивановича Протасьева, находившагося, въ качествѣ царскаго министра, при малороссійскомъ гетманѣ Скоропадскомъ, и изъ того, что письма писаны изъ Глухова, нельзя называть Протасьева «Глуховскимъ стольникомъ». Тоже ошибочное званіе присвоено Протасьеву и въ указателѣ (стр. 854).

Описывая рукопись подъ № 471 (Списки окольничихъ, бояръ и другихъ чиновъ, съ выписками изъ Разряднаго приказа и родословныхъ книгъ о боярскихъ фамиліяхъ; рукопись 1730 года), г. Соколовъ приводитъ списокъ фамилій, угасшихъ къ 1730 году по свѣдѣніямъ Разряднаго приказа. Нѣкоторыя изъ этихъ фамилій искажены въ рукописи (напр., Стужбальскіе вмѣсто: Пужбольскіе, Гачины вмѣсто: Гагины, и многія другія). Слѣдовало бы въ указателѣ помѣстить правильныя чтенія этихъ фамилій, а не ограничиваться помѣщеніемъ въ немъ искаженныхъ фамилій съ знакомъ вопроса.

Можно вообще замѣтить, что знакъ вопросительный нерѣдко встрѣчается въ выпискахъ изъ рукописей, приводимыхъ г. Соколовымъ, причемъ иногда онъ стоитъ при словахъ, никакого недоумѣнія не возбуждающихъ (напр., на стр. 137 при словѣ «Галиченя», т.-е. Галичане (помѣщики Галицкаго уѣзда); на стр. 38 при словѣ «сщении» (т.-е. священніи; такъ и въ Краковскомъ

Шестодневѣ 1491 года), или же при словахъ, неправильное начертаніе которыхъ легко могло бы быть тутъ же оговорено (напр., на стр. 275: Александръ Карголуцскій (?); слѣдуетъ читать: Каргопольскій; въ указателѣ (стр. 675) равномѣрно читаемъ: «Александръ, препод., Карголуцскій (?). Упом. въ молитвѣ. 275»; или на стр. 330-й: и домы ихъ изгваблены (?) будутъ; читай: изгублены, и т. п.). Иногда же неправильное написаніе слова въ рукописи не возбуждаетъ въ составителѣ Описанія никакого сомнѣнія, напр., Северинъ Ревуцкій, коронный гетманъ (стр. 451; т.-е. Ржевускій. Въ указателѣ онъ стоитъ тоже подъ словомъ «Ревуцкій»).

Встрѣчаются иногда неправильныя разъединенія словъ (напр., его же, ему же (въ смыслѣ: котораго, которому) вмѣсто: егоже, емуже) или слитныя написанія (напр., на стр. 74-й: оўдавоудавшисѧ вмѣсто: оўдавоу давшисѧ).

Пользованіе книгою г. Соколова значительно облегчается приложеннымъ къ ней подробнымъ указателемъ лицъ, мѣстъ, предметовъ и статей. Можно даже упрекнуть составителя Описанія въ излишней подробности этого указателя, занимающаго 261 страницу. Безъ всякаго ущерба для дѣла этотъ указатель мѣстами можно было бы сократить.

Указанные нами нѣкоторые пробѣлы и недосмотры въ трудѣ г. Соколова не умаляютъ достоинствъ его Описанія, въ общемъ исполненнаго весьма тщательно. Трудъ г. Соколова является весьма полезнымъ пособіемъ для лицъ, занимающихся разработкою нашей исторіи и литературы, и если бы Академія Наукъ нашла возможнымъ присудить составителю Описанія малую Ломоносовскую премію, то этимъ она оказала бы справедливое вниманіе его обширной и почтенной работѣ, вносящей въ науку немало новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній.

Членъ-корреспондентъ
Императорской Академіи Наукъ **И. Бычковъ.**

С.-Петербургъ. 31 августа 1905.

III.

Н. Дурново. Описаніе говора деревни Парфёнокъ, Рузскаго уѣзда Московской губерніи. Оттискъ изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника». Варшава, 1903 8°.

Сочиненіе г. Дурново представляетъ изъ себя томъ въ 280 страницъ, содержащій описаніе говора одной деревни — Парфёнокъ: подробно излагаются фонетика и морфологія, а также приводятся наблюденія надъ словоупотребленіемъ и синтаксисомъ. Въ самомъ описаніи этомъ разсѣяны многочисленныя замѣтки по исторіи русскаго языка и русской діалектологіи, служащія для указанія на происхожденіе тѣхъ или другихъ особенностей говора или для сближенія ихъ съ соотвѣтствующими особенностями другихъ русскихъ говоровъ. А въ концѣ книги присоединено заключеніе, въ которомъ авторъ пытается установить положеніе описаннаго имъ говора среди другихъ великорусскихъ.

Что касается до добавочныхъ замѣтокъ, сопоставленій и толкованій діалектическаго матеріала, то имъ едва ли можно приписать большое научное значеніе.

Не мало среди нихъ находимъ такихъ, въ которыхъ повторяются общепризнанныя истины, сравниваются уже давно сопоставленные, всѣмъ извѣстные факты, а иногда даже со ссылками на лекціи Соболевскаго, Шахматова, Брандта и др. соч. На

стр. 21-ой г. Дурново объявляетъ, что въ словѣ «ро́вн̑ъј» *о* обще-русское, между тѣмъ какъ въ литерат. равный — книжное. На стр. 18-ой отмѣчено: слова «крест, нѐбӑ и Илена — книжнаго происхожденія». «Въ словѣ а̊сле́п явилось *е* по аналогіи со словомъ слѣп, ср. Соболевскій, Лекціи, стр. 65, Брандтъ, Лекціи, 25». На стр. 73-ей при приведеніи словъ «суды́», «суда́» авторъ замѣчаетъ: «ср. старослав. сѫдоу (см. Соболевскій, Лекціи, стр. 120», и мног. друг.

Не мало въ описаніи діалектическихъ сопоставленій, повидимому, совершенно случайныхъ, въ которыхъ не видно систематическаго проведенія какой-либо опредѣленной мысли. На стр. 101, приводя слово «с̊вище́н̊ник», авторъ сличаетъ его съ «свящельник» «другихъ говоровъ». На стр. 107, говоря о словѣ «кушы́н», авторъ замѣчаетъ: «въ сѣв-влкр. чаще въ этомъ словѣ является: кукшын». На этой же стр., приводя глаголы на *нуть*, въ которыхъ передъ *н* выпали нѣкоторые согласные (напр. ка́н̊ьт, з̊ѓинут̊), авторъ заявляетъ: «Въ сѣв-влкр., частью въ ю.-влкр. такихъ глаголовъ замѣчается больше». На стр. 58, говоря о род. ед. на *во*, авторъ сообщаетъ, что это—черта многихъ великорусскихъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ говоровъ. На стр. 196, приводя примѣры словъ съ суфф. *ук*, *юк*, *ука*, *юка*, г. Дурново прибавляетъ, что суфф. эти часты въ малорусскомъ, и что изъ другихъ славянскихъ языковъ у Бѣлича указаны примѣры съ суффиксами *ук* и *юк* только въ польскомъ и чешскомъ, и пр.

Наконецъ, нерѣдко можно встрѣтить замѣчанія невѣрныя, а иногда прямо странныя. На стр. 62-ой авторъ задаетъ вопросъ, не родственно ли слово прўсӗн, которымъ подзываютъ телятъ, съ «порося, поросе́не». На стр. 127-ой онъ спѣшитъ отказаться отъ такого толкованія, вспомнивъ, что род. ед. отъ «порося» былъ поросяте; вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ два новыхъ толкованія, столь же неожиданныхъ, какъ и первое: «можно предполагать развѣ только родство прўсӗн̊ съ основой поросен, являющейся въ словѣ поросёнокъ. Съ другой стороны, по аналогіи съ другими словами, какими призываютъ животныхъ, здѣсь скорѣе всего слѣдуетъ

видѣть звуковое подражанье телячьему мычанью». — На стр. 144-о́й говорится, что слово пут въ описываемомъ говорѣ иногда переходитъ въ женскій родъ. Доказывается это двумя примѣрами: 1) въ пѣснѣ: «широкая путь дороженька» и 2) выраженіемъ пу̊тоj даро́гъj. (Обычно въ говорѣ слово путь мужескаго рода, твор. ед. путём). — На стр. 12—13-ой читаемъ: «въ именахъ Гарасим, Мала́ṅjа̊, Пъладе́jӑ гласные, являющіеся на мѣстѣ греч. ε, восходятъ, по мнѣнію Шахматова, къ о.-р. *а* (Изсл. стр. 24). Но уменьш. отъ Пъладе́jӑ—По́л̇кӑ»; и затѣмъ слѣдуетъ совершенно неожиданная прибавка: «имя Ма́л̇кӑ; не изъ Мала́ṅjӑ (Малькой зовутъ въ с. Васильевскомъ одну дѣвочку, которой настоящее имя Авдотья, для того, чтобы отличить ее отъ старшей ея сестры, тоже Авдотьи)». — На стр. 45-ой утверждается, что въ формѣ (род. ед) кало́ццӑ между двумя *ц* выпала гласная полнаго образованія (не происшедшая изъ старыхъ ь и ъ). — На стр. 18-ой предпологается, что въ словѣ Пар̊ме́н *е* явилось по аналогіи съ раз̊ме́н, биз̊мен и пр., «ср. Пар̊фо́н», поясняетъ авторъ свою мысль — «гдѣ такой аналогіи не было». Авторъ не припомнилъ имени Семёнъ (не Семенъ) и не догадался сдѣлать предположеніе, что имя Парменъ имѣетъ *е* потому же, почему слова: «крестъ» и «небо». На стр. 17-ой объясняется *о* въ словѣ обрѣлъ (абр̊ол) «народной этимологіей этого слова, произведшей его отъ бр̊ол... Ср. с̊е́с̊т — с̊е́л», поясняетъ авторъ свою мысль, «гдѣ почти при тѣхъ же условіяхъ е сохранилось». Авторъ забылъ, что въ словахъ *сѣсть*, *ѣсть* и пр. условія для аналогіи совсѣмъ не тѣ, что въ словѣ обрѣсти: ср. обрѣсти́, обрѣла́, обрѣли́, обрѣлъ; — нести́, несла́, несли́, нёсъ съ одной стороны и сѣсть, сѣ́ла, сѣ́ли, сѣлъ — съ другой.

Само собою ясно, что подобныя многочисленныя вставочныя замѣчанія только безъ нужды увеличиваютъ объемъ разбираемой книги и постоянно прерываютъ строгую послѣдовательность изложенія діалектическихъ особенностей.

Едва ли можно также согласиться со взглядами автора, высказанными въ заключеніи къ его сочиненію. Здѣсь онъ подводитъ говоръ Парфёнокъ подъ особую группу говоровъ, которую онъ

называетъ средне-великорусскимъ нарѣчіемъ; это нарѣчіе, по мнѣнію автора, обнимаетъ въ себѣ между прочимъ умѣренно-акающій Московскій говоръ и сильно-акающіе цокающіе Касимовскіе. И въ діалектологическомъ отношеніи Московская группа говоровъ ближе, напримѣръ, къ Владимірскимъ окающимъ нецокающимъ діалектамъ, не подведеннымъ авторомъ подъ терминъ средне-великорусскихъ говоровъ, чѣмъ къ цокающей Касимовской группѣ. И съ точки зрѣнія исторической Московская группа, какъ группа говоровъ переходныхъ отъ окающаго нецокающаго поднарѣчія къ акающему, рѣзко отличается отъ Касимовскихъ, представляющихъ смѣшеніе сильноакающаго поднарѣчія съ окающимъ цокающимъ.

Если всѣ разсужденія и замѣтки автора, дополняющія его «Описаніе», а равно и заключительная часть, не имѣютъ большого научнаго значенія, то совсѣмъ иное мы должны сказать о самомъ описаніи говора. Описаніе это обнаруживаетъ не поверхностное знакомство автора съ говоромъ деревни Парфенокъ и даетъ намъ довольно полное представленіе о фонетическихъ и морфологическихъ особенностяхъ говора [1]), а также не мало свѣдѣній синтаксическаго характера. На всѣ почти особенности представлено достаточное количество примѣровъ. Изображеніе звуковъ въ этихъ примѣрахъ весьма тщательное и, повидимому, точное.

Можно высказать только сожалѣніе, что авторъ, положивъ столько труда на многочисленныя малополезныя замѣчанія и на искусственную классификацію говоровъ, не сдѣлалъ сколько-нибудь значительныхъ наблюденій надъ говорами ближайшихъ

1) Даже, можетъ быть, въ разбираемой книгѣ проглядываетъ излишнее стремленіе къ этой полнотѣ, когда авторъ вводитъ въ нѣкоторыхъ частяхъ описанія діалектическіе факты совсѣмъ не характеристичные для даннаго говора, иногда принадлежащіе всему русскому языку, иногда даже славянскимъ нарѣчіямъ. Напр., на стр. 140-ой авторъ объявляетъ, что слова на *мя* образуютъ множ. ч. отъ основ. на *мен*. На стр. 142-ой говорится, что твор. пад. ж. р. оканчивается на *ой* и *ою* (рукой, рукою). Характеристичные примѣры указаны также въ критикѣ Л. Л. Васильева (Изв. IX, кн. 2).

къ описываемому пункту селеній, что значительно возвысило бы научную цѣнность его описанія.

Въ представляемомъ г. Дурново діалектическомъ матеріалѣ мы можемъ отыскать не мало фактовъ, указывающихъ на смѣшанный характеръ говора Парфенокъ. На стр. 4—5-ой читаемъ: «разная степень аканья стоитъ, кажется, не столько въ зависимости отъ поколѣнія, сколько отъ принадлежности говорящаго къ той или другой семьѣ. Въ одной семьѣ всѣ, и старые и малые, обыкновенно сильно акаютъ; въ другой же аканье умѣренное». Изъ дальнѣйшаго, повидимому, можно заключить, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ произносить и «лиса» и «ляса»; эти произношенія ставятся на стр. 25-ой въ связь даже съ настроеніемъ говорящаго. На стр. 85-ой находимъ: «Иногда у нѣкоторыхъ лицъ слышится твердое жж: дрожжи, вожжи, но у большинства выговоръ этого звука мягкій». На стр. 76-ой указывается, что въ говорѣ Парфенокъ взрывное *г*, но въ нѣкоторыхъ словахъ γ (Боγ, γӑспо̂т̑ и т. п.), и затѣмъ прибавлено, что это *рѣже въ словѣ пираγами.* На стр. 8-ой указано, что рядомъ съ мяч и мячьк встрѣчается изрѣдка: меч и мечьк. На стр. 75-ой говорится, что рядомъ съ чир̓нига, брус̓нига—говорятъ также: чар̓ника, брус̓ника. На стр. 89-ой отмѣчено, что въ произношеніи *м* и *в* передъ *н* также не наблюдается у нѣкоторыхъ лицъ послѣдовательности. — На вліяніе говора сосѣднихъ деревень иногда обращаетъ вниманіе самъ наблюдатель; напр., на стр. 81-ой онъ говоритъ: «Незамѣтно шепелявое произношеніе именно въ тѣхъ семьяхъ, члены которыхъ часто бывали въ Москвѣ, ходили въ школу и пр., или же тамъ, гдѣ бабы, взятыя не изъ шепелявящихъ деревень, могли оказать вліяніе на говоръ другихъ членовъ семьи».

Эта мысль о смѣшанномъ характерѣ Парфёнковскаго говора находитъ себѣ подтвержденіе и съ другой стороны. Описываемый говоръ, какъ можно видѣть изъ нѣсколькихъ замѣчаній собирателя, географически помѣщается среди говоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые должны быть относимы къ различнымъ діалектическимъ группамъ. А именно: 1) Въ деревнѣ Хохлатчина, расположенной

около Поповки, которая находится въ 10-ти верстахъ отъ Парфенокъ, крестьяне — переселенцы изъ Малороссіи. 2) Въ деревнѣ Тплихтинѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Парфенокъ, жители окаютъ. 3) Большинство крестьянъ деревни Курово (1 верста отъ Парфенокъ) — переселенцы изъ Орловской губерніи. 4) Въ деревнѣ Семеновкѣ (5 верстъ отъ Парфенокъ) аканье сильнѣе Парфенковскаго [1]). 5) Въ деревнѣ Ивакина (10 вер. отъ Парфенокъ) сильное аканье [2]).

Для историческаго изученія подобныхъ смѣшанныхъ говоровъ, конечно, необходимо прежде всего имѣть ясное представленіе объ окружающихъ эти говоры діалектическихъ единицахъ. Только сравненіе смѣшаннаго говора съ сосѣдними можетъ выяснить, насколько первоначальна въ немъ та или другая особенность и не является ли она результатомъ посторонняго вліянія, можетъ быть, въ очень недавнее время. И для попытки автора указать положеніе описываемаго говора среди другихъ великорусскихъ такой матеріалъ, можетъ быть, представилъ бы болѣе твердую почву [3]).

Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что было бы вполнѣ справедливымъ, если бы Академія нашла возможнымъ присудить г. Дурново по крайней мѣрѣ почетный отзывъ за его добросовѣстное и обстоятельное описаніе, особенно въ виду крайняго недостатка въ научныхъ описаніяхъ русскихъ говоровъ, который такъ живо чувствуютъ всѣ, интересующіеся отечественнымъ языкознаніемъ.

1905 года сентября 7-го.

Н. Каринскій.

1) Стран. 122 и 123.

2) Стр. 264.

3) На стр. 2-ой г. Дурново объясняетъ, почему онъ ограничился наблюденіями надъ говоромъ только одной деревни; это онъ сдѣлалъ, говоритъ онъ, «отчасти уже потому, что діалектологія — не моя спеціальность, отчасти потому, что при недостаткѣ опытности въ собираніи діалектологическихъ матеріаловъ и при частыхъ разъѣздахъ можно познакомиться съ говоромъ только поверхностно, причемъ собранный такимъ образомъ матеріалъ почти невозможно провѣрить; при этомъ неизбѣжно явятся обобщенія; какая-нибудь особенность въ говорѣ одной деревни можетъ быть легко приписана всѣмъ деревнямъ извѣстной мѣстности», и пр.

IV.

Разборъ книги А. И. Яцимирскаго: Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ (Спб. 1905, XL + 965, съ XXI таблицею снимковъ съ рукописей).

Послѣ безвременной кончины большого и трудолюбиваго знатока юго-славянской и румынской письменности П. А. Сырку славяно-румынскія студіи у насъ въ Россіи, къ счастью, не заглохли, перерыва въ изученіи ихъ не послѣдовало, ибо въ лицѣ г. Яцимирскаго мы видимъ столь же ревностнаго и ученаго изслѣдователя.

Имя г. Яцимирскаго достаточно говоритъ за себя. Несмотря на свои молодые годы, онъ уже успѣлъ напечатать 120 ученыхъ статей и отдѣльныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ изслѣдованіе о Григоріи Цамблакѣ уже одно составляетъ весьма почтенный трудъ. Не менѣе солидная работа представлена имъ и на соисканіе Ломоносовской преміи, отчетъ о которой нынѣ предлагается вниманію ученыхъ славистовъ и палеографовъ.

Громадный трудъ автора по предварительному изученію славянской письменности, хранящейся въ библіотекахъ Румыніи, обязанъ своимъ происхожденіемъ двукратной поѣздкѣ его въ Румынію, въ 1895 и 1898 годахъ, причемъ въ первый разъ онъ работалъ всего 10 дней, а во второй два съ половиною мѣсяца, «въ общей сложности около трехъ мѣсяцевъ» (стр. XXXIX).

Во время своихъ поѣздокъ г. Яцимирскій посѣтилъ слѣдующіе

монастыри: молдавскій мон. «Агапія», Нямецкій, Бисериканскій, Секульскій, Богдана, Васлуйскій и скитъ Покровскій, далѣе города и селенія: Букурештъ, Яссы, Галацъ, Тульчу, Ботошаны, Пятру, Хуши, Хырлъу, округа: Бакэу, Сочавскій, Путнинскій и пр., и вездѣ пытливаго ученаго привлекали рукописныя собранія или вообще памятники древности, надъ которыми онъ останавливался съ особенною любовію. Въ Букурештѣ онъ штудировалъ рукописи румынской академіи и національнаго музея древностей, а равно собранія отдѣльныхъ лицъ, преимущественно профессоровъ университета. Въ общей сложности авторомъ пересмотрѣно около 700 рукописей. Вся прикладная сторона книги написана имъ уже въ Россіи въ промежутокъ 1895 — 1904 годовъ.

Описаніе рукописей произведено по строго опредѣленной схемѣ. Послѣ названія рукописи слѣдуетъ время (вѣкъ) ея написанія, форматъ (точное указаніе длины и ширины рукописи въ сантиметрахъ), число тетрадей, родъ матеріала, на которомъ рукопись написана (отмѣчается только пергаминъ), родъ письма (полууставъ или скоропись) съ его характеристикою, видъ письма, число строкъ на страницѣ (листѣ); художественная сторона рукописи, составъ ея; правописаніе ея, степень ея сохранности и наконецъ родъ переплета. Число листовъ въ рукописяхъ часто не указано или указано лишь приблизительно, такъ какъ рукописи въ Румыніи какъ въ старину не перенумеровывались, такъ не сосчитаны и въ настоящее время.

Самое описаніе сдѣлано въ обычномъ порядкѣ: послѣ указанія листа рукописи слѣдуетъ заглавіе статьи съ начальными ея словами; точное заглавіе статьи впрочемъ здѣсь часто отсутствуетъ, а приводится лишь краткое обозначеніе его, и въ такомъ случаѣ непремѣнно гражданскимъ шрифтомъ. Авторъ позволялъ себѣ такое отступленіе, очевидно дорожа краткостью имѣвшагося въ его распоряженіи времени: вмѣсто того, чтобы часто переписывать съ рукописей, напримѣръ, стереотипное «Иже въ святыхъ отца нашего Іоанна, архіепископа Констянтина града, Златоустаго», авторъ писалъ просто: «Іоанна Златоустаго».

Особенностью «Описанія» г. Яцимирскаго является обращеніе значительнаго вниманія на записи на рукописяхъ. Авторъ приводитъ безъ исключенія всѣ помѣтки, не исключая и такихъ, которыя не имѣютъ значенія. Но въ случаѣ, когда въ нихъ содержится указаніе на какой-либо историческій фактъ или на какого-либо игумена монастыря, авторъ дѣлаетъ подробное, исчерпывающее освѣщеніе событія или монастыря и его игумена. Къ литературнымъ памятникамъ, напримѣръ, къ словамъ святыхъ отцовъ, нѣтъ библіографическихъ указаній (если и встрѣчаются рѣдкія исключенія, они носятъ совершенно случайный характеръ),—вниманіе автора сосредоточено на бытовой и археологической сторонѣ, поскольку она можетъ дать понятіе о жизни и бытѣ Молдавс-Валахіи стараго времени.

Наиболѣе цѣннымъ отдѣломъ книги является распредѣленіе рукописей по характеру и національности письма. Наука палеографіи обязана г. Яцимирскому суммированіемъ родовъ и видовъ юго-славянскаго письма, съ указаніемъ многихъ особенностей письма молдаво-валашскаго и съ приведеніемъ автотипическихъ снимковъ съ рукописей разныхъ національностей письма. Къ сожалѣнію только, авторъ говоритъ о письмѣ не спеціально, а попутно, при случаѣ. Между тѣмъ приведеніе его указаній въ должную стройность было бы очень желательно. Попытаемся сдѣлать это въ настоящее время.

а. Полныя формулы палеографическаго описанія:

1. Письмо русское, правописаніе русское[1]).
2. » сѣверно-русское, правописаніе русское[2]).
3. » новгородское, » [3]).
4. » » » южно-русское[4]).

---

1) Стр. 133, 814.
2) Стр. 52,57, 131, 157, 303, 332, 410.
3) Стр. 91.
4) Стр. 733.

5.	письмо	южно-русское,	правописаніе	русское[1].
6.	»	» »	»	ресавское[2].
7.	»	сербское,	»	сербское[3].
8.	»	»	»	ресавское[4].
9.	»	аѳонское,	»	сербское[5].
10.	»	»	»	средне-болгарское[6].
11.	»	молдавское,	»	русское[7])
12.	»	»	»	южно-русское[8].
13.	»	»	»	русское и средне-болгарское[9].
14.	»	»	»	сербское[10].
15.	»	»	»	средне-болгарское[11].
16.	»	»	»	тырновское[12].
17.	»	валашское,	»	русское[13].
18.	»	»	»	сербское[14].
19.	»	»	»	ресавское[15].
20.	»	валахо-молдавское,	»	сербское[16].
21.	»	» »	»	сербское со средне-болгарскими особенностями[17].

1) Стр. 58, 661, 698.
2) Стр. 729.
3) Стр. 267, 329, 330, 400, 467.
4) Стр. 615.
5) Стр. 184, 452, 767, 782.
6) Стр. 446, 464.
7) Стр. 151, 396, 669.
8) Стр. 113.
9) Стр. 680.
10) Стр. 367, 400, 471.
11) Стр. 22, 26, 29, 31, 35, 36, 38, 396, 425.
12) Стр. 626, 627, 634, 669, 679, 759, 819.
13) Стр. 438 — 439.
14) Стр. 129, 372, 404.
15) Стр. 834.
16) Стр. 355, 479, 507.
17) Стр. 122.

22.	Письмо валахо-молдавское,		правописаніе	средне-болгарское [1].
23.	»	сербо-валашское,	»	сербское [2]).
24.	»	» »	»	средне-болгарское [3]).
25.	»	» »	»	ресавское [4]).

Давъ такую номенклатуру различныхъ видовъ славянскаго письма, г. Яцимирскій привелъ и его характеристику, иллюстрировавъ изслѣдованіе особыми автотипическими снимками. Это — важная сторона разбираемаго сочиненія: она несомнѣнно будетъ оцѣнена палеографами и будетъ служить руководною нитью во всѣхъ будущихъ работахъ по описанію рукописей; и вообще палеографическая часть труда — одна изъ сильныхъ сторонъ его.

Но помимо описательной части читатель найдетъ въ многочисленныхъ экскурсахъ этого труда прекрасныя библіографическія свѣдѣнія, свидѣтельствующія объ обширности познаній автора, о его начитанности въ многообразныхъ вопросахъ юго-славянской старо-церковной и богослужебной письменности, церковной археологіи и юридическаго быта. Мы только позволили бы себѣ терминъ *«задоушіе»* перевести не словомъ *«благодѣяніе»*, какъ дѣлаетъ авторъ, раздѣляющій мнѣніе романскаго епископа Мелхиседека [5]), а болѣе точнымъ понятіемъ «даръ», уже освященнымъ давностью времени: напримѣръ, *«задоушіе»* Слова о затворницѣ юго-славянскихъ прологовъ (подъ 7-мъ марта) въ русскихъ прологахъ передано словомъ *даръ*; и вообще принято говорить, что церквамъ приносятся *дары*, а не *благодѣянія*.

Но всѣмъ этимъ цѣнность труда г. Яцимирскаго еще не исчерпывается. Благодаря его описанію рукописей, мы узнаемъ

---

1) Стр. 326.
2) Стр. 21, 356, 382, 400, 405, 423, 424, 431, 500.
3) Стр. 402.
4) Стр. 667.
5) Стр. 47.

болѣе старые списки напр. житій нѣкоторыхъ святыхъ, чѣмъ какіе списки даетъ намъ старорусская письменность, и вообще обогащаемся новыми свѣдѣніями по отдѣльнымъ вопросамъ старославянской письменности. Такъ, для литературной исторіи житія св. Ѳеофаніи царицы въ рук. № 149 (367) Букурештскаго національнаго музея древностей, XV вѣка, имѣется неизвѣстный доселѣ пересказъ этого житія, составленный діакономъ Лазаревской церкви Николаемъ, бывшимъ впослѣдствіи епископомъ Адріанопольскимъ[1]). Если бы своевременно это обстоятельство было извѣстно Э. Г. Куртцу, онъ не преминулъ бы имъ воспользоваться. Равнымъ образомъ въ рукописи того же музея № 151 (162), XV-го же вѣка, имѣются особыя житія св. Петра Аѳонскаго («Еже святыхъ жития и яже тѣхъ боголюбьзноую жизнь написано положити, иниже по себѣ ползы дѣля и ревности»), Льва, епископа Катанскаго («Яже о досточюднемъ Лъве, иже много прослутомъ пръвосѣдателю иже катанские свѣтліе митрополіе») и Аѳанасія Аѳонскаго («иже изредныихь мужіи написанаа житіа и древнимь убо нужда бѣше ради юже отъ сихъ человѣкомь прибываемые»)[2]); въ рукописи № 86 (79) Нямецкаго монастыря имѣется списокъ житія св. Ѳеодора Едесскаго XV вѣка (русскіе списки его не восходятъ выше XVI вѣка)[3]). Точно также мы имѣемъ теперь въ рукописи государственнаго архива въ Букурештѣ, первой половины XVI вѣка, Травникъ, русскіе списки котораго относятся лишь къ XVIII вѣку[4]). Любопытными представляются многія слова изъ словаря Синтагмы Матвѣя Властаря, напр. вия (βία) — пѫть, очевидно переводъ латинскаго слова via, кавса (καῦσα) — благодать (χάρις), очевидно неправильный переводъ словъ causa и gratia въ значеніи предлоговъ «ради», «для», и т. д.

Столь цѣнный трудъ г. Яцимирскаго, къ сожалѣнію, однако умаляется довольно многочисленными разнаго рода недостат-

1) Стр. 470, 815.
2) Стр. 477, 478, 483.
3) Стр. 750.
4) Стр. 843.

камп. Разбросанность наблюденій, изысканій и библіографическихъ указаній, помимо трудности пользованія книгою, неудобна и въ томъ отношеніи, что всѣ подобнаго рода экскурсы автора неукоснительно занимаютъ свои мѣста между рамками предварительнаго описанія рукописи, и такъ какъ съ одной стороны они иногда очень длинны, занимая по многу страницъ книги, а съ другой звено описанія обыкновенно состоитъ всего изъ двухъ словъ, получается съ внѣшней стороны крайняя неравномѣрность описанія[1]). Если бы, напримѣръ, кто-нибудь изъ изслѣдователей вздумалъ издать ученый трудъ не въ обычномъ видѣ, а ввелъ бы свои иногда длинныя примѣчанія въ самый текстъ изслѣдованія, онъ сдѣлалъ бы свою книгу почти неудобочитаемою. То же самое мы видимъ и у нашего автора. Всѣ его экскурсы есть ничто иное, какъ иногда очень длинныя библіографическія примѣчанія, которыя слѣдовало бы помѣщать въ примѣчаніяхъ; но разъ объемъ ихъ не позволялъ занять мѣста въ примѣчаніи, ихъ слѣдовало бы особеннымъ образомъ отдѣлить отъ собственно описанія, дабы вниманіе читателя не разсѣивалось. Словомъ, было бы не въ примѣръ лучше, если бы авторъ давалъ каждый экскурсъ въ концѣ описанія каждой рукописи.

Мы выше сказали, что заслугою автора является распредѣленіе видовъ письма; но приведенная нами таблица не исчерпываетъ всего палеографическаго богатства разбираемой книги. Кромѣ указанныхъ, такъ сказать, полныхъ формулъ опредѣленія характера письма, у г. Яцимирскаго имѣется очень много формулъ неполныхъ; то, при указаніи письма, не опредѣляется правописанія рукописи:

б. Неполныя формулы палеографическаго описанія:

1. Сѣверно-русское письмо, безъ указанія правописанія[2]).
2. Южно-русское » » » »[3]).

1) Напр. стр. 345, 367, 808 и пр.
2) Стр. 153.
3) Стр. 153, 184, 197, 198.

3. Поморское письмо, безъ указанія правописанія[1]).
4. Сербское » » » »[2]).
5. Молдавское » » » »[3]).

То, наоборотъ, безъ обозначенія письма опредѣляется правописаніе рукописи:

6. Безъ обозначенія письма, правописаніе русское[4]).
7. » » » » русское, съ южнорусскими особенностями[5]).
8. » » » » русское, болгаризующее[6]).
9. » » » » сербское[7]).
10. » » » » ресавское[8]).
11. » » » » ресавское, переходящее въ среднеболгарское[9]).
12. » » » » средне-болгарское[10]).
13. » » » » средне-болгарское и русское[11]).
14. » » » » средне-болгарское, со слѣдами сербскаго оригинала[12]).

---

1) Стр. 118, 145, 184, 423, 492, 658, 698.
2) Стр. 322.
3) Стр. 42, 296, 353, 396.
4) Стр. 95, 623.
5) Стр. 88, 95.
6) Стр. 66.
7) Стр. 198, 271....652, 734.
8) Стр. 647, 700, 711, 717, 720, 727, 730, 780.
9) Стр. 728.
10) Стр. 28, 255...493, 783.
11) Стр. 162, 424.
12) Стр. 153, 688.

15. Безъ обозначенія письма, правописаніе тырновское [1]).
16. » » » » сербско-болгарское [2]).

То, наконецъ, иногда не указывается ни письма, ни правописанія [3]). Если иногда довольно назвать письмо, чтобы догадаться о его правописаніи, или наоборотъ, довольно назвать правописаніе, чтобы знать о его письмѣ (напримѣръ, сѣверно-русское или поморское письмо *б*1,3 — правописаніе непремѣнно русское, или тырновское правописаніе *б*15 — письмо непремѣнно молдавское *а*16), то во всѣхъ другихъ многочисленныхъ случаяхъ неполнота палеографической формулы вызываетъ недоумѣнія и запросы. Напр. при южно-русскомъ письмѣ (*б*2) правописаніе можетъ быть южно-русское (*а*4), русское (*а*5), или наконецъ ресавское (*а*6); при сербскомъ письмѣ (*б*4) правописаніе можетъ быть сербское (*а*7) или ресавское (*а*8); при молдавскомъ письмѣ (*б*5) правописаніе можетъ быть русское (*а*11), южно-русское (*а*12), русско-болгарское (*а*13), сербское (*а*14), средне-болгарское (*а*15), или наконецъ тырновское (*а*16). Равнымъ образомъ, при сербскомъ правописаніи (*б*9) письмо можетъ быть сербское (*а*7), аѳонское (*а*9), молдавское (*а*14), валашское (*а*18), или наконецъ сербо-валашское (*а*23); при ресавскомъ правописаніи (*б*10) письмо можетъ быть южно-русское (*а*6), сербское (*а*8), валашское (*а*19), или наконецъ сербо-валашское (*а*25); при средне-болгарскомъ правописаніи (*б*12) письмо можетъ быть аѳонское (*а*10), молдавское (*а*15), молдовлахійское (*а*22), или наконецъ сербо-валашское (*а*24), но ни одного изъ нихъ не указано. Едва ли можно усомниться, что неполнота формулъ есть дѣло забывчивости автора, его поспѣшности въ описаніи столь значительнаго количества рукописей.

Въ самыхъ терминахъ «письмо» и «правописаніе» лежитъ новая слабость книги. Авторъ не говоритъ опредѣленно, что онъ под-

---

1) Стр. 621, 628...727, 737.
2) Стр. 85.
3) Стр. 681.

разумѣваетъ подъ тѣмъ и другимъ, да и по всему видно, что представленіе у него на этотъ счетъ сбивчивое. Въ одномъ мѣстѣ, характеризуя виды молдавскаго письма, онъ говоритъ[1]): «мы не находимъ возможнымъ сохранять обычные термины «уставъ» или «полууставъ», такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не исчерпываетъ всѣхъ особенностей письма; поэтому мы склонны говорить только о «молдаво-валашскомъ *письмѣ*», которое въ цѣломъ рядѣ рукописей, особенно роскошныхъ и съ архаизирующимъ письмомъ, напоминаетъ «литургическое» письмо, хорошо извѣстное въ греческой палеографіи». Высказавъ такую мысль, авторъ все таки аккуратнѣйшимъ образомъ называетъ въ каждой рукописи или «уставъ» или «полууставъ», а молдаво-валашское письмо находитъ только въ пяти рукописяхъ. Съ другой стороны, изъ одного случайно брошеннаго замѣчанія можно догадываться, что, по мнѣнію автора, письмомъ опредѣляется *національность писца*, а правописаніемъ — *національность письма*. Вотъ его слова[2]): «Творенія Іоанна Дамаскина, XVII в., въ рукописи Нямецкаго монастыря № 79 (6) писаны *южно-русскимъ письмомъ*, съ *правописаніемъ ресавскимъ*, нѣсколько искаженнымъ *писцомъ малоруссомъ*». Если рукопись переписана малоруссомъ, то письмо ея копіи стало быть южно-русское, но списанная съ ресавскаго извода, она будетъ носить правописаніе также ресавское. Впрочемъ, авторъ не выдерживаетъ и этой точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, Толкованія на книгу Іова, 1503 г. (рук. Нямецкаго монастыря № 19—34) авторъ опредѣляетъ такъ[3]): «полууставъ, нѣсколько напоминающій молдавское письмо, при правописаніи тырновскомъ». Молдавское письмо здѣсь дѣйствительно вѣроятно, такъ какъ рукопись писана Виссаріономъ, ученикомъ сучавскаго (молдавскаго) митр. Өеоктиста; но относительно *тырновскаго* правописанія мы недоумѣваемъ, разъ въ записи Виссаріонъ заявляетъ, что рукопись спи-

---

1) Стр. XXXIII.
2) Стр. 729.
3) Стр. 644.

сана въ аѳонскомъ Зографскомъ монастырѣ съ извода *сербскаго*[1]). Такимъ образомъ вопросъ о письмѣ и о правописаніи остается у автора очень неопредѣленнымъ.

И самая начитанность автора иногда вредитъ дѣлу. Въ разбираемой книгѣ замѣчается слабость ученаго метода, ученость не на тему. Встрѣтивъ въ одной записи выраженіе *волость*[2]), авторъ начинаетъ приводить тексты, въ которыхъ попадается понятіе *судство*, правда, однозначное съ первымъ, и такимъ образомъ мы знакомимся съ терминомъ *судство*, а не съ понятіемъ *волость*, которое нужно было выяснить. Также по поводу испорченнаго выраженія *ферваръ*[3]) авторъ приводитъ искаженное названіе мѣсяца *ферфаръ*. По поводу упоминанія, что Григорій Цамблакъ жилъ въ Пантократоровскомъ монастырѣ, авторъ начинаетъ перечислять[4]) всѣ монастыри греческіе, русскіе и славянскіе, носившіе названіе Пантократоровскихъ, и дѣлается это только для того, чтобы заключить, что «ни въ одномъ изъ перечисленныхъ монастырей Цамблакъ не былъ игуменомъ, за исключеніемъ, пожалуй, Дечанскаго; но что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ молдавскимъ Нямецкимъ монастыремъ, а не съ инымъ, показываетъ рядъ фактовъ, гдѣ Пантократоровымъ называется именно Нямецкій монастырь»[5]). Значитъ, весь предыдущій перечень греческихъ и русскихъ монастырей оказался совершенно излишнимъ. Въ перечнѣ свидѣтельствъ о Пантократоровскомъ монастырѣ авторъ доходитъ даже до столповъ филологической разнузданности, говоря, что упоминается еще Пандократоръ—одно изъ 72 именъ Божіихъ(!), что Пандократоръ есть также икона Вседержителя(!!), что въ старой письменности встрѣчается еще выраженіе «пандократный день милости Божіей»(!!!).

Сильный въ начитанности, авторъ менѣе владѣетъ даромъ

---

1) Стр. 645.
2) Стр. 314.
3) Стр. 478.
4) Стр. 591 — 596.
5) Стр. 594.

ученой проницательности. Отмѣчая археологическія и бытовыя черты памятниковъ, онъ къ сожалѣнію не остановился надъ такимъ напр. вопросомъ, какъ продолжительность времени постройки церквей, для чего имѣется достаточный матеріалъ въ его книгѣ. Въ одномъ случаѣ постройка была выполнена въ три мѣсяца [1]), въ другомъ въ $4\frac{1}{2}$ мѣсяца, въ третьемъ и четвертомъ случаѣ — въ пять [2]) и иногда въ семь мѣсяцевъ. Эта маленькая справка могла бы пригодиться автору въ различныхъ его догадкахъ насчетъ чтенія неясныхъ надписей. Такъ, по одной изъ нихъ постройки начались въ лѣто 6994..., а окончились 15 сентября того же года [3]). Авторъ правильно полагаетъ, что на мѣстѣ точекъ должно было стоять названіе мѣсяца; а изъ всѣхъ буквъ на этомъ мѣстѣ ясно читается всего одна буква *р*; *въ виду этого* авторъ предполагаетъ здѣсь мѣсяцъ *мартъ* (?). Преосв. Мелхиседекъ прибавляетъ еще букву *к* (т. е. 20), такъ что авторъ съ легкимъ сердцемъ находитъ поправку преосвященнаго *вполнѣ вѣрною*. Но почему предполагать непремѣнно мартъ? вѣдь одинаково можно предположить и апрѣль? И тѣмъ болѣе почему не остановиться на апрѣлѣ, если, какъ видно изъ приведенныхъ авторомъ записей и надписей, постройки начинались обыкновенно весною и оканчивались осенью? почему бы не остановиться на апрѣлѣ, если съ 20 апрѣля до 15 сентября протекло пять мѣсяцевъ, то-есть обычный срокъ постройки зданій? Или: въ одномъ текстѣ мы читаемъ: «зҁгѳ з дни», что авторъ переводитъ: «7199, 7-го дня» [4]). Онъ не обратилъ вниманія на отсутствіе названія мѣсяца, которое постоянно находится между датами годовою и мѣсячною, а имѣй это въ виду, не прочиталъ ли бы онъ запись иначе, напр. «зҁч ѳ з дни», что будетъ значить: 7190 (1682), ѳевраля 7 дня? Вотъ еще одинъ примѣръ изъ области права и филологіи. Несмотря на настойчивыя упоминанія, что румынскій сельскій судья, кнезъ или *жу-*

1) Стр. 860.

2) Стр. XXXVII, 871.

3) Стр. 873.

4) Стр. 402. Мы охотно допускаемъ здѣсь опечатку, вмѣсто: зҁчд.

дець (судецъ) не происходитъ отъ латинскаго judex[1]), разсужденія его всетаки мало убѣдительны. Авторъ пишетъ: «*жудецъ* образовалось изъ латинскаго корня, повидимому, по аналогіи съ славянской формой сѫдьць, сѫдець, но никоимъ образомъ не отъ judex, такъ какъ славянскій суффиксъ *ьць*, *ець* весьма обыченъ и во многихъ другихъ румынскихъ словахъ съ латинскими корнями». Но если *жудецъ* образовалось изъ латинскаго корня, то позволительно спросить: изъ какого? Какъ извѣстно, всѣ латинскія слова, начинающіяся слогомъ jud (за исключеніемъ впрочемъ Judaea, Іудея), означаютъ: *суд;* поэтому не естественнѣе ли всего *жудецъ* производить отъ *judex?* Суффиксъ *ьць*, можетъ быть, и не произошелъ отъ латинскаго суффика *ex* (это необязательно), но онъ въ данномъ случаѣ пришелся какъ нельзя болѣе при усвоеніи румынами латинскаго слова.

Затѣмъ вообще въ разбираемомъ сочиненіи нѣтъ недостатка въ неясностяхъ, неопредѣленности и неточности въ опредѣленіяхъ. Названіе молдавскаго монастыря «Агапія», судя по книгѣ, представляется автору не совсѣмъ яснымъ. Обыкновенно онъ пишетъ: мон. Агапія, но часто также говоритъ: мон. Агапіи[2]), и одинъ разъ выражается: въ монастырь Агапію[3]). Онъ не касается исторіи этого имени, и только изъ одного посторонняго сочиненія видно, что названіе происходитъ отъ ἀγάπη, а не отъ женскаго имени Агапія[4]); но согласенъ ли съ этимъ авторъ, мы такъ-таки и не знаемъ. Если онъ согласенъ, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы писать: мон. «Агапія», въ мон. «Агапія» и т. д., а не повергать читателя въ полное недоумѣніе насчетъ этого имени. Славянское слово *изводъ* авторъ понимаетъ въ смыслѣ *оригиналъ*[5]). Это, вообще говоря, не точно; но и слово *оригиналъ* авторъ понимаетъ оригинально, а именно отожествляетъ съ понятіемъ *письмо:* напр. въ

---

1) Стр. 338.
2) Стр. 1, 40, 46, 62, 93, 111, 245.
3) Стр. 56.
4) Стр. 17.
5) Стр. XIII.

вышеприведенныхъ формулахъ, гдѣ онъ всегда употребляетъ выраженіе «письмо», однажды встрѣчается у него вмѣсто того слово «оригиналъ»[1]). Такимъ образомъ авторъ употребляетъ три понятія: изводъ, оригиналъ и письмо, которыя должны означать одно и то же, а именно рукописный или печатный текстъ, съ котораго писцы дѣлали копіи. Въ ученой литературѣ понятіе *текстъ* столь общепринято, что было бы гораздо лучше рядомъ со славянскимъ *изводомъ* и русскимъ *письмомъ* пользоваться также общепринятымъ латинскимъ терминомъ *текстъ* (но не *оригиналъ*).

Существуетъ въ книгѣ и недостатокъ исторической критики. Говоря о времени возникновенія Нямецкаго монастыря, авторъ повторяетъ свою мысль, высказанную имъ въ изслѣдованіи о Григоріи Цамблакѣ, что «нельзя принять за достовѣрное ни одно изъ свидѣтельствъ румынскихъ историковъ о существованіи Нямецкаго монастыря въ XIV вѣкѣ; вотъ почему мы склонны относить возникновеніе его къ самому началу XV вѣка»[2]). Высказавъ такое сужденіе, онъ далѣе приводитъ Исторію игуменовъ Нямецкаго монастыря (іеромон. Андроника), во главѣ которой стоятъ два имени: 1392. Софроній I; 1393. Пименъ, колоколъ котораго съ надписью сохранился и доселѣ. И такъ какъ авторъ не опровергъ хронологіи этихъ игуменовъ, мы въ правѣ спросить его: если монастырь возникъ въ началѣ XV вѣка, то какъ же быть, куда же дѣть этихъ, по всей вѣроятности, основателей монастыря, жившихъ въ концѣ XIV вѣка?

Спѣшностью автора и небрежностью его редакціи объясняется много недочетовъ книги: то переписывается цѣликомъ оглавленіе[3]), вмѣсто того, чтобы отмѣчать каждую наличную статью въ самой рукописи; то не указаны листы рукописей[4]), то статьи предлагаются безъ начальныхъ словъ[5]), то двѣ смежныя статьи съ однимъ

1) Стр. 326.
2) Стр. 589.
3) Стр. 768.
4) Стр. 735.
5) Стр. 467.

заглавіемъ и съ одинаковымъ началомъ точнѣе не опредѣлены [1]), то румынскій текстъ, противъ обыкновенія автора, остается не переведеннымъ [2]), то наконецъ при спѣшности редакціи пропущены слова [3]), а однажды конецъ одного слова при переносѣ попалъ не на слѣдующую, а на предыдущую строку [4]). Быть можетъ, этимъ же объясняются и неясности, неточности или стилистическія неправильности въ языкѣ автора [5]). Мы не говоримъ уже объ опечаткахъ, хотя филологическій трудъ, особенно славянскій, съ его надстрочными знаками, требовалъ со стороны автора особой внимательности при изданіи текстовъ. Но что всего досаднѣе, есть опечатки даже въ датахъ: въ румыно-славянскомъ текстѣ одна цифра, а въ переводномъ русскомъ текстѣ другая [6]), такъ что не знаешь, гдѣ тутъ опечатка, въ славянскомъ ли, или въ русскомъ?

Позволимъ себѣ закончить нашъ отчетъ о книгѣ г. Яцимирскаго нѣсколькими мелочами. Мы совсѣмъ не видимъ причинъ, почему въ одномъ случаѣ приводить длинное описаніе рукописи, уже изданной, признается дѣломъ *интереснымъ* [7]), а съ другой «*чрезвычайно интересныя* собственныя некалендарныя имена, въ особенности женскія», — проходить полнымъ молчаніемъ [8])

Книга г. Яцимирскаго можетъ служить вообще очень полезнымъ справочнымъ руководствомъ для начинающаго заниматься письменностью, какъ по полнотѣ палеографическаго опредѣленія каждой рукописи, такъ и по учености и обилію необходимаго при-

---

1) Стр. 743 — 744.
2) Стр. 107, 108, 154, 281, 303.
3) Стр. 181, 196, 621.
4) Стр. 735.
5) Стр. XXIX, 36, 157 — 160, 171, 317, 454, 858.
6) Стр. 401, 402.
7) Стр. 823 — 833.
8) Стр. 509; ср. 858: «*интересны*, между прочимъ, нѣкоторыя некалендарныя имена,» — и однако не приведено ни одного изъ нихъ. Lapsus calami или memoriae на стр. 673, а отсюда и въ указателѣ: 23 апрѣля, св. Георгія Солунскаго.

кладного аппарата, которымъ онъ обнаружилъ такую эрудицію и начитанность въ румынской письменности. Но въ этомъ трудѣ, какъ сказано, нѣтъ стройности, нѣтъ выдержанности ученаго метода и есть неясности въ опредѣленіяхъ, неточности въ языкѣ, шероховатости въ стилѣ и небрежности въ редакціи. Вотъ почему мы полагаемъ, что представленное сочиненіе, не удовлетворяющее требованіямъ полной Ломоносовской преміи, по § 12 Правилъ, все же можетъ заслуживать если не преміи въ половинномъ размѣрѣ, то во всякомъ случаѣ отличія и поощренія.

Хр. Лопаревъ.